

# **Отчет из Железной Горы о возможности и желательности мира**

С вступительным материалом Л. Левина

по изданию  
The Dial Press, Inc 1967 Нью-Йорк

## СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие.....	3
Информация о ситуации.....	8
Заявление «Джона Доу».....	15
Отчет Специальной исследовательской группы. Записка о распространении.....	16
Отчет о возможности и желательности мира.....	17
Введение.....	17
1. Обзор предмета исследования.....	19
2. Разоружение и экономика.....	22
3. Сценарии разоружения.....	25
4. Война и Мир как социальные системы.....	27
5. Функции Войны.....	30
6. Заменители для выполнения функций Войны.....	43
7. Выводы и Заключение.....	55
8. Рекомендации.....	64

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон Доу, коль скоро я с целью обеспечения ясного понимания упоминаю его в этой книге, – профессор большого университета на Среднем Западе. Его область деятельности – одна из социальных наук, но я не буду идентифицировать ее, поскольку эта идентификация не имеет отношения к делу. Он неожиданно позвонил мне однажды вечером прошлой зимой; мы не общались в течение нескольких лет. Он сказал, что будет в Нью-Йорке в течение нескольких дней, и что есть нечто важное, что он хотел бы обсудить со мной. Он не объяснил, о чем речь. Мы вместе позавтракали на следующий день в ресторане в центре города.

Он был очевидно встревожен. Он вел светскую беседу в течение получаса, что было весьма не в его характере, и я не торопил его. Потом он неожиданно вспомнил о диспуте между писателем и видным политическим объединением, упомянутом в заголовках газет. Каковы, поинтересовался он, мои взгляды на «свободу информации»? Как бы я их определил? И так далее. Свои ответы я не помню, но они, кажется, удовлетворили его. Тогда, весьма неожиданно, он начал рассказывать мне следующую историю:

В начале августа 1963 г. он нашел на своем столе сообщение о том, что «госпожа Поттс» звонила ему из Вашингтона. Когда он перезвонил, немедленно ответил МУЖЧИНА; он сказал Доу, среди прочего, что тот был выбран, для участия в комиссии «чрезвычайной важности». Ее целью было определить, четко и реалистично, характер проблем, с которыми столкнутся Соединенные Штаты, если и когда состояние «постоянного мира» будет достигнуто, и разработать программу действий в такой обстановке. Мужчина описал особые правила, управляющие работой комиссии, что, как ожидалось, расширит ее возможности далеко за пределы всех предыдущих исследований данной проблемы.

С учетом того, что говорящий не представился и не назвал свою организацию, его слова должны были быть исключительно убедительными. Доу не испытывал никаких серьезных сомнений в честности проекта, что странно с учетом его предыдущего опыта чрезмерной секретности, которая часто окружает квазиправительственные действия. Кроме того, мужчина на другом конце линии продемонстрировал весьма полное и удивительно детальное знание работы и личной жизни Доу. Были также названы имена других членов группы; репутация большинства из них была известна Доу. Доу согласился принять приглашение – помимо всего остального, он чувствовал, что в действительности не имеет выбора – и прибыть в субботу через неделю в Айрон Маунтин (Железная Гора), штат Нью-Йорк. Авиабилет был доставлен почтой на следующее утро.

Общая тональность «плаща-и-кинжала» на собрании группы подчеркивалась самим местом проведения. «Железная Гора», расположенная около города Гудзона, как будто сошла со страниц романов Яна Флеминга. Это подземное ядерное убежище, построенное крупными американскими корпорациями. В основном оно используется в качестве безопасного хранилища для важных документов. Но ряд

корпораций содержит его как запасную штаб-квартиру, где достаточная часть персонала сможет выжить и продолжить работу в случае нападения.

Я не буду рассказывать о большей части истории работы Специальной исследовательской группы, как формально называлась комиссия; ее сообщает сам Доу (раздел «Информация о ситуации»). Здесь необходимо сказать лишь то, что группа регулярно собиралась и работала в течение более чем двух с половиной лет; результатом стал приводимый Отчет. Именно об этом документе и о том, что с ним делать, Доу и хотел поговорить со мной.

Отчет, сказал Доу, не был рекомендован к публикации как самой Специальной исследовательской группы, так и правительственным межведомственным агентством, которому она подчинялась. После месяцев раздумий Доу решил, что он больше не будет хранить тайну. Он хотел от меня совета и помощи в публикации Отчета. Он дал мне прочесть копию, с недвусмысленным условием, что если я по любой причине не желаю оказаться вовлеченным в это дело, я не скажу ничего о нем кому-либо еще.

Я прочитал Отчет в ту же ночь. Я не хочу говорить о своей реакции на него, за исключением того, что нежелание партнеров Доу предавать гласности результаты исследования стало абсолютно понятным. Авторы были настолько уверены в своем определении разносторонних проблем, связанных с переходом к миру, что пришли к выводу: заданные им исходные вопросы никогда в истории не решались. Вместо этого, они сделали заключение:

«Длительный мир не является теоретически невозможным и, вероятно, не является недостижимым. Но даже если это состояние будет достигнуто, его сохранение почти наверняка будет нежелательным с позиций сохранения устойчивости общества».

Это – суть того, что сказано в Отчете. Если обойтись без профессионального академического языка, главный результат заключается в следующем: война выполняет некоторые важные функции, обеспечивающие стабильность нашего общества; пока другие способы их выполнения не разработаны, система войны должна быть сохранена, а ее эффективность должна повышаться.

Неудивительно, что Группа в своей «Записке о распространении» не хотела попадания работы в руки «непрофессионального читателя, неискушенного в тонкостях высокой политики или военного дела». Отчет адресован, что особенно подчеркивается, неназванным правительственным руководителям высшего ранга; он предполагает значительную политическую искушенность аудитории. Тем не менее, для обычного человека сущность документа является даже более пугающей, чем его выводы. Он не может быть готовым к некоторым из его предположений – например, что многие медицинские достижения рассматриваются скорее как источник проблем, чем как прогресс; или что бедность необходима и желательна, несмотря на публичные выступления политиков, определяющие обратное; или что существующие армии являются, помимо прочих функций, социально-благотворительными учреждениями в том же смысле, что и дома престарелых или психиатрические лечебницы. Он может с удивлением обнаружить, что космические

программы, «противоборство» ракет и антиракет или программы строительства бомбоубежищ понимаются лишь как предлог для расходования больших сумм денег. Они не имеют целью развитие науки или обеспечение национальной безопасности (определяемых как их основные цели). Или узнать, что военно-ориентированные политические проекты имеют лишь отдаленное отношение к обороне.

Читатель может быть оскорблен, обнаружив, что организация репрессий в отношении меньшинств и даже учреждение рабовладения всерьез рассматриваются как возможные результаты установления мира на Земле. Ему вряд ли удастся отнестись доброжелательно к предложению преднамеренной интенсификации загрязнения воды и воздуха как части программы, ведущей к миру, даже если рациональные основания для этого суждения будут объяснены. То, что мир без войны должен будет как можно скорее обратиться к всеобщему регулированию рождаемости, покажется наименее тревожащим, если не самым привлекательным из результатов. И лишь немногие из читателей не будут по крайней мере озадачены некоторыми из направлений в выводах Отчета, повторенными в его рекомендациях. Они предлагают долговременное планирование – своеобразное «составление бюджета» – «оптимального» числа жизней, которые должны будут ежегодно уничтожаться в преднамеренных конфликтах; это решение стоит довольно высоко в списке приоритетов правительственных действий, составленном Группой.

Я привожу эти примеры прежде всего для того чтобы предупредить обычного читателя, чего ему ожидать. Очевидно, что государственные деятели и стратеги, для глаз которых Отчет был предназначен, не нуждаются в таких защитных приговорах.

Эта книга, само собой, является моим ответом на просьбу Доу. После тщательного рассмотрения проблем, которые могли бы возникнуть при издании Отчета, мы передали его в издательство The Dial Press. Там его значение было немедленно признано и, что более важно, нам дали солидные гарантии того, что никакое внешнее давление любого вида не окажет влияния на публикацию.

Необходимо пояснить, что Доу не был не согласен с сущностью Отчета, представляющего законченное исследование, согласующее все важные аспекты проблемы. Он стал меньшинством, одиночкой – но только по вопросу о публикации для широкой общественности. Взгляд Группы на эту проблему будет описан.

Дебаты имели место во время последнего полного собрания Группы перед тем как Отчет был написан, в конце марта 1966, происходившем в «Железной Горе». В качестве фона необходимо принять во внимание два факта. Во-первых, от членов Специальной исследовательской группы никогда явно не требовали соблюдения тайны – ни при создании Группы, ни когда-либо позднее. Во-вторых, Группа никогда не работала в секретном режиме. Это явственно следует как из процедуры создания группы, так и из порядка ее работы (Группа благодарит за помощь «многих людей ..., существенно способствовавших успеху нашей работы»; при этом является сомнительным, чтобы этим людям не сообщали о характере проекта, в котором их особые информационные ресурсы будут использованы).

Те, кто придерживался мнения о необходимости отказа от публикации Отчета, по общему признанию руководствовались опасением взрывоопасных политических эксцессов, которых ожидали в случае широкой гласности. В качестве прецедента они указали на засекречивание намного менее спорного сообщения подкомиссии по разоружению сенатора (в то время) Хьюберта Хэмфри в 1962 г. Члены подкомиссии, по сообщениям, опасались, что их сообщение может быть использовано коммунистическими пропагандистами. По высказыванию сенатора Стюарта Симингтона, сообщение могло «поддержать марксистские теории, которые сами были результатом стремления к совершенствованию капитализма». Подобные политические предосторожности были предприняты в отношении более известного «Отчета Гейзера (Gaither)» в 1957 г., и даже в отношении так называемого «Отчета Мойнихена (Moynihan)» в 1965 г.

Кроме того, члены Группы настаивали, что должно быть сделано различие между серьезными исследованиями, которые обычно проводятся до принятия политиками решения об их реализации, и обычными показными проектами, реализуемыми для демонстрации озабоченности политика проблемой и для рассеивания энергии стремящихся к ее решению (приведен пример, причем некоторые из членов Группы участвовали в событиях: «Конференция Белого Дома» о мирном сотрудничестве, разоружении, и т.д., была организована в конце 1965 г., чтобы приглушить жалобы об эскалации Вьетнамской Войны).

Доу признает такую возможность, равно как и большую вероятность неодобрения общественности. Но он считает, что если агентство-заказчик хотело бы засекретить Отчет, оно бы так и сделало в самом начале работы. Оно могло также поручить проект одному из признанных «мозговых центров правительства», для которых нормальна работа на подобных началах. Он насмехался над опасениями относительно реакции общества, которая не могла оказать никакого долговременного воздействия на мероприятия в не самом близком будущем, которые могли бы быть предприняты для осуществления предложений Группы, и высмеивал отказ Группы от ответственности за свои мнения и выводы. Чем он был обеспокоен, так это соблюдением права общества знать то, что делается от его имени; ответственность при этом ложится на пытающихся нарушить это право.

Если мои действия дают Доу дополнительные аргументы, могущие преодолеть его неудачу в споре с коллегами, пусть будет так. Мое участие в выпуске книги показывает, что я не нейтрален. По моему мнению, решение Специальной исследовательской группы подвергнуть цензуре ее собственные результаты было не просто робостью, но самонадеянностью. Но очевидный из настоящего предисловия отказ в публикации, исходящий от агентств, для которых исследование проводилось, поднимает очень широкий круг вопросов в сфере публичной политики. Основой вопросов является продолжающееся использование самоопределяемого термина «безопасность» для предотвращения возможных политических затруднений. Довольно забавно видеть, как часто эта практика дает обратные результаты.

Я должен заявить, для ясности, что я не разделяю отношения к войне и миру, к жизни и смерти, к выживанию человеческого рода, принятого в отчете. Некото-

рые читатели с ним согласятся. В человеческом понимании это возмутительный документ. Но он действительно представляет собой серьезную и дерзкую попытку решения огромной проблемы. И он объясняет (или кажется, что объясняет) аспекты американской политики, необъяснимые иным образом, с позиций привычного здравого смысла. Что еще следует добавить – мне кажется, что мы имеем право знать не только суть Отчета, но и то, кем и как он был создан.

Под «кем и как» я подразумеваю не просто имена авторов Отчета. Намного более важно то, что мы имеем право знать, до какой степени их предположения о социальной необходимости разделяются лицами, принимающими решения в нашем правительстве. Что из Отчета они принимают и что они отвергают? Однако независимо от ответов на эти вопросы, только всеобъемлющая и откровенная дискуссия дает надежду на решение проблем, рассмотренных Специальной исследовательской Группой в ее «Отчете из Железной Горы».

L.S.L. Нью-Йорк, июнь 1967 г.

## ИНФОРМАЦИЯ О СИТУАЦИИ

Следующая информация о работе Специальной исследовательской группы представляет собой расшифровку ряда записанных на магнитофон интервью с Джоном Доу. Расшифровка отредактирована с целью минимизации влияния моих вопросов и комментариев, сокращения объема; последовательность изложения несколько изменена в целях непрерывности изложения.

L.C.L.

### КАК БЫЛА СФОРМИРОВАНА ГРУППА?

...Общая идея проведения исследований такого рода появилась по крайней мере ранее 1961 г. Начало ей было положено некоторыми из новых деятелей, вошедших в администрацию Кеннеди; главным образом, я думаю, Макнамарой (McNamara), Банди (Bundy), и Раском (Rusk). Они беспокоились о многих вещах... В частности, не было проведено серьезной работы по планированию мира – долгосрочного мира, с долгосрочным планированием.

Все, что было написано о предмете (до 1961 г.), было весьма поверхностным. Не было достаточного рассмотрения возможных путей решения проблемы. Главная причина для такого состояния состояла в том, что идеи реального мира на Земле, всеобщего разоружения и так далее, считались утопическими. Или даже более того – бессмысленными. Это утверждение по-прежнему верно, что достаточно легко понять, посмотрев на происходящее в мире сейчас... Оно отразилось на исследованиях, проведенных до того времени. Они не были реалистичными...

Идея относительно Специального исследования и его формы появилась в начале 1963 г... Урегулирование Кубинского ракетного кризиса имело некоторое отношение к этому; но более всего оказали влияние планируемые большие изменения в вооруженных силах... Они потребовали закрытия заводов, переселения людей и т.д. Большинство из этого не было обнародовано ни до, ни много позже...

[Я понимаю], что потребовалось значительное время для отбора участников Группы. Никаких звонков им не было до конца лета...

### КТО ПРИНИМАЛ РЕШЕНИЕ?

Об этом я не могу рассказать. Я не участвовал в предварительном планировании. Я впервые узнал о проекте, когда пригласили меня самого. Но трое из участников Группы занимались этим планированием, и остальные знают о более ранних событиях от них. Я знаю, что начало было крайне неформальным. Я не знаю, какое именно правительственное агентство одобрило проект.

### НО ВЫ МОЖЕТЕ ПРЕДПОЛОЖИТЬ?

Хорошо. Я думаю, что это было спонтанное решение на уровне кабинета, или близких к нему кругов. Я полагаю, что организационная работа – организация группы, финансирование и прочее – была поручена кому-то из Министерства обороны или Совета национальной безопасности. Только один из членов Группы был в контакте с Вашингтоном, и это был не я. Но я могу сказать, что очень, очень немногие люди знали о нас.... Например, был Комитет Экли (Ackley); он был со-



здан уже после окончания работы Группы. Если вы читали их Отчет: все та же старая песня – конверсия военной промышленности, превращение военных заводов в сельскохозяйственные фабрики... Я думаю, после этого вы зададитесь вопросом, знал ли Президент о нашей Группе и ее выводах. Комитет Экли явно не знал.

**ЭТО ВОЗМОЖНО? Я ИМЕЮ В ВИДУ, ЧТО ДАЖЕ ПРЕЗИДЕНТ НЕ ЗНАЛ О ВАШЕЙ ГРУППЕ?**

Я полагаю, нет ничего странного в правительстве, решающем одну проблему на двух различных уровнях. Или даже в существовании двух или трех [правительственных] агентств, занимающихся одним и тем же делом. Это – обычная практика. Возможно, Президент знал. Я не хочу говорить плохо о Комитете Экли, но они проявили узость подхода, от которой мы старались уйти...

Вы должны помнить – если Вы читали Отчет – что от нас требовалось разнообразие подходов к проблеме. Это вопрос методологии. Герман Кан обозначил в «Византии» – не надо ограничиваться культурными и религиозными ценностями. Никакого влияния существующей морали. Такой способ мышления принят в Рэнд, Гудзоновском Институте и I.D.A. (Институт стратегического анализа), принят в военном планировании... Что от нас требовалось, и я думаю, нам это удалось, – это разработать подход к анализу гипотетической ядерной войны... Мы, возможно, сделали больше ожидаемого, но как только вы определили свои основания и свою логику, вы не можете вернуться назад...

Книги Кана, например, неправильно понимаются, по крайней мере, непрофессионалами. Они шокируют людей. Но поймите, важным в них являются не его заключения или его мнение. Важен метод. На мой взгляд, он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы информировать широкую общественность о стиле современного военного мышления... Сегодня комментатор может писать о «стратегическом противостоянии», «минимальном сдерживании» или «вероятной способности нанесения первого удара» без необходимости объяснять каждый их терминов. Он может писать о войне и стратегии без оглядки на вопросы этики...

Другое большое отличие нашей работы – широта. Отчет говорит сам за себя. Я не могу утверждать, что мы рассмотрели все возможные аспекты жизни общества, но я не думаю, чтобы мы пропустили что-нибудь важное...

**ПОЧЕМУ ПРОЕКТ ПОРУЧЕН ВНЕШНЕЙ КОМИССИИ? ПОЧЕМУ ОН НЕ БЫЛ ВЫПОЛНЕН СООТВЕТСТВУЮЩИМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ АГЕНТСТВОМ?**

Я думаю, это очевидно, или должно быть очевидным. Способ мышления, требуемый от нашей Группы, значительно отличается от обычных представлений о действиях правительства. У них слишком много ограничений. Слишком много запретов. Эта проблема не нова. Это – основная причина, по которой частные организации вроде Рэнд и Гудзоновского института получают заказы. Достаточно сложные исследования почти всегда поручаются внешним по отношению к правительству организациям. Это верно даже для действий Государственного департамента, для «серых» операций, которые, выглядят неофициальными, но в

действительности настолько официальные, насколько это возможно. Также обстоит дело и с ЦРУ...

Для нашего исследования даже частные исследовательские центры были слишком формализованы... Много усилий было затрачено на достижение того, чтобы наши рассуждения не были ограниченными. Были предусмотрены практически все возможные мелочи: способ нашего приглашения в Группу, места, где мы собирались, разнообразные неуловимые нюансы. К примеру, даже наше название, Специальная исследовательская группа. Вам знакомы обычные названия правительственных исследований. Разве вы не называли бы нас «Операция Оливковый берег», или «Проект Мир» или как-нибудь еще таким же образом? Ничего подобного – слишком много аллюзий, слишком влияет на размышления. И никакого регламента наших встреч – лишнее запрещение... О тех, кто мог бы наблюдать за нами. Конечно, мы использовали свои собственные обозначения. Между собой мы обычно называли себя «Мальчиками Железной Горы», или «Наша компания», или так, как приходило на ум...

#### ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ЧЛЕНАХ ГРУППЫ?

Я должен буду придерживаться общих мест... Нас было пятнадцать. Очень важным было, что мы представляли очень широкий диапазон дисциплин. И не только академических. Специалисты в области естествознания, социальных наук, гуманитарии. Среди нас были адвокат и бизнесмен, а также профессиональный военный, специалист по планированию. Кроме того, каждый в Группе имел работы не менее чем в двух различных областях. Этим обеспечивалась междисциплинарный характер исследования...

В Группе не было женщин, но я не думаю, чтобы это имело значение... Разумеется, все мы были американскими гражданами. И все, могу сказать, имели хорошее здоровье, по крайней мере в начале... Как видите, первым действием проекта, на первой встрече, было ознакомление с досье на членов Группы. Они были очень детальны и содержали сведения не только профессиональные, но и личные. В них входили и медицинские документы. Я помню одну очень любопытную вещь, показывающую уровень досье. У большинства из нас, включая меня, имелась запись о ненормально высокой концентрации мочевой кислоты в крови... Ранее ни один из нас не сталкивался с публичной демонстрацией личных и медицинских сведений. Это очень тревожило...

Но это было сделано преднамеренное. Смыслом было подчеркнуть, что мы, как предполагалось, должны сами определить ВСЕ наши процедуры, без всяких внешних правил. Это включало суждения о квалификации друг друга и ознакомление с возможными предубеждениями. Я не думаю, чтобы это непосредственно затронуло нашу работу, но такой подход сделал свое дело... Мы не должны были игнорировать абсолютно ничего, что могло бы затронуть нашу объективность.

[Здесь мне удалось убедить Доу, что краткое описание профессий отдельных членов Группы поможет читателям Отчета. Следующий список, он передал мне в письменном виде. Было бы точнее сказать, что Доу удалось уговорить. Проблема состояла в том, чтобы дать максимум информации, не нарушая обязательства Доу

сохранить анонимность коллег. Это оказалось очень трудным делом, особенно в отношении очень известных членов Группы. По этой причине вторичные области деятельности и достижения в них не называются.

Простые буквенные «имена» были придуманы Доу для удобства описания; они не имеют никакого отношения к реальным именам. «Эйбл» контактировал с Вашингтоном. Именно он принес и зачитал досье, и он наиболее часто был председателем. Он, «Бейкер» и «Кокс» – трое, участвовавшие в предварительном планировании. Никакого иного значения порядок перечисления не имеет.

«Артур Эйбл» – исторический и политический теоретик, служит в правительстве.

«Бернард Бейкер» – профессор международного права и консультант правительства.

«Чарльз Кокс» – экономист, социальный критик и биограф.

«Джон Доу» – описан в начале Предисловия.

«Эдвард Эллис» – социолог, часто участвующий в публичной политике.

«Фрэнк Фокс» – культуролог, антрополог.

«Джордж Грин» – психолог, педагог и разработчик систем тестирования персонала.

«Гарольд Хилл» – психиатр, тщательно исследовавший взаимосвязь между групповым и индивидуальным поведением.

«Джон Джонс» – филолог и литературный критик.

«Мартин Миллер» – специалист в области физической химии, его работы получили международное признание на самом высоком уровне.

«Пол Петерс» – биохимик, сделавший важные открытия в области репродуктивных процессов.

«Ричард Ро» – математик, связанный с независимым Исследовательским институтом Западного Побережья.

«Сэмюэль Смит» – астроном, физик, специалист в теории информации.

«Томас Тэйлор» – системный аналитик, специалист по военному планированию, много написал о войне, мире и международных отношениях.

«Уильям Вайт» – промышленник, выполнял ряд специальных правительственных поручений.]

КАК РАБОТАЛА ГРУППА? Я ПОДРАЗУМЕВАЮ, ГДЕ И КОГДА ВЫ СОБИРАЛИСЬ, И Т.Д?

Мы собирались в среднем один раз в месяц, как правило, по уик-эндам, и как правило, в течение двух дней. Мы имели несколько более длинных сессий, и одну, продолжавшуюся всего четыре часа... Мы собирались всегда в разных местах по всей стране, за исключением первого и последнего собраний, происходивших в Железной Горе. Это походило на путешествующий семинар... Иногда в гостиницах, иногда в университетах. Дважды мы собирались в летних лагерях, и однажды в частном поместье, в Вирджинии. Мы использовали деловой офис в Питтсбурге, и другой в Покипси, штат Нью-Йорк... Мы никогда не собирались в Вашингтоне или на территории правительственного учреждения. Эйбл объявлял время и место двух последующих встреч. Они никогда не изменялись...

Мы не делились на подкомиссии или иные формальные образования. Но все мы брали индивидуальные обязательства на время между встречами. Часть из них

состояла в получении информации от посторонних людей... Я не могу представить специалиста в любой академической или профессиональной области, к которому не мог бы обратиться один из нас, если это представлялось нам нужным, и мы использовали преимущества такого положения... Нам платили подневно, очень немного. Платежи назывались «выплатами по ваучерам». Нам велели не указывать их в налоговых декларациях... Чеки выдавались со специального счета Эйбла в нью-йоркском банке. Он и подписывал их... Я не знаю, в какую сумму обошлось исследование. Если считать стоимость нашего времени и путешествий, то оно, видимо, обошлось не дороже небольшой шестизначной суммы. Но полагаю, что гораздо дороже обходилось компьютерное время, и я понятия не имею, насколько дорого...

**ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НИКАКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НЕ ВЛИЯЛИ НА ВАШУ РАБОТУ. КАК НАСЧЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ? ВОЗМОЖНО ЛИ РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ ВОЙНЫ И МИРА БЕЗ ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?**

Да, это возможно. Я могу понять ваш скептицизм. Но если бы вы побывали на любой из наших встреч, вам было бы очень трудно определить, кто из участников либерал и кто консерватор, или кто ястреб и кто голубь. ЕСТЬ такая вещь как объективный взгляд на вещи, и я думаю, что нам удалось придерживаться его... Я не говорю, что никто не проявлял никаких эмоциональных реакций на нашу работу. Все мы их проявляли до некоторой степени. Два члена Группы пережили сердечные приступы после завершения работы, и я полагаю, что это не было совпадением.

**ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО ВЫ САМИ ОПРЕДЕЛИЛИ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА. ЧТО ЭТО БЫЛИ ЗА ПРАВИЛА?**

Наиболее важными были неформальность и единодушие. Неформальность выражалась в том, что наши обсуждения не завершались в заранее определенное время. Мы работали, пока любой из нас считал, что мы не закончили. Например, мы потратили много времени на взаимосвязь между политикой военного призыва и индустриальной занятостью. Прежде чем мы закончили с этим, мы изучили историю западных уголовных кодексов и огромное число сравнительных психиатрических исследований [призывников и добровольцев]. Мы рассмотрели организацию империи Инков. Мы определили влияние автоматизации на слабообразованные общества... И все это было нужным...

Под единодушием я не подразумеваю, что мы голосовали, подобно жюри. Я подразумеваю, что мы занимались каждой проблемой, пока мы не получалось то, что квакеры называют «смыслом встречи». Это занимало много времени. Но в конечном счете это экономило время. В конце концов все мы настраивались на одну и ту же длину волны, что говорить...

Конечно, между нами были различия, и большие, особенно в начале... Например, прочитав Главу I, вы могли бы подумать, что мы просто проясняли данные нам вводные. Это не так; потребовалось значительное время, прежде чем все мы согласились со строгой интерпретацией задачи... Ро и Тэйлор внесли наибольший

вклад в это... В Отчете есть много вещей, очевидных на сегодняшний взгляд; но они не были столь очевидными тогда. Например, влияние войны на социальные системы. Первоначальная предпосылка была обычной, определенной Клаузевицем... Война считалась расширением «инструментария» для достижения политических целей. Эйбл сначала был единственным, кто оспорил это положение. Фокс назвал его позицию «извращенной». И все же именно Фокс нашел большую часть данных, которые привели нас в конечном счете к согласию с Эйблом. Я упоминаю об этом, поскольку полагаю, что это – хороший пример методов нашей работы. Триумф нестандартных методик... Я не намереваюсь углубляться в детали о том, кто, когда, о чем и какого мнения придерживался. Но я скажу, чтобы отдать должное, что в начале работы только Ро, Эйбл, Хилл и Тэйлор были способны заметить, когда начал действовать наш метод.

**НО ВЫ ВСЕГДА В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ДОСТИГАЛИ СОГЛАШЕНИЯ?**

Да. Наш Отчет одобрен единогласно... Я не могу сказать, что наши сессии были образцом гармонии. Некоторые из них были довольно грубы. В последние шесть месяцев были большие расхождения во множестве деталей... В течение долгого времени мы испытывали напряжение... Мы работали вместе слишком долго. Вполне естественно..., что мы раздражали друг друга. Некоторое время Эйбл и Тэйлор не разговаривали друг с другом. Миллер угрожал уйти. Но все это прошло. Не было никаких значительных расхождений...

**КАК БЫЛ ФАКТИЧЕСКИ НАПИСАН ОТЧЕТ? КТО ЕГО НАПИСАЛ?**

Все мы приложили руку к первому варианту. Джонс и Эйбл собрали наши варианты и затем раздали всем участникам перед разработкой заключительной версии... Единственными проблемами были форма Отчета и неясность его адресата. И, конечно, вопрос публикации... [Комментарии Доу по этому вопросу приведены в конце Предисловия].

**ВЫ УПОМИНАЛИ РУКОВОДСТВО ПО «МИРНЫМ ИГРАМ». ЧТО ЭТО ЗА «МИРНЫЕ ИГРЫ»?**

Я хотел бы кое-что рассказать об этом. В Отчете о них только упоминается. «Мирные игры» – это метод, разработанный нами в процессе исследования. Это – техника прогнозирования, информационная система. Я весьма вдохновлен ею. Даже если наши рекомендации не будут использованы – что вполне представимо – этот результат не должен быть проигнорирован. Он совершит революцию в изучении социальных проблем. Он – побочный продукт нашего исследования. Нам была нужна быстрая, надежная процедура, позволяющая оценить влияние одних неизмеримых количественно социальных феноменов на другие. И мы создали такую методику. Пока она находится в начальной стадии, но она работает.

**КАК ЭТИ «МИРНЫЕ ИГРЫ» РАЗЫГРЫВАЮТСЯ? ПОХОЖИ ЛИ ОНИ НА «ВОЕННЫЕ ИГРЫ» КОРПОРАЦИИ РЭНД?**

Вы не «играете» в «мирные игры», подобно игре в шахматы, монополию, или даже военную игру с игрушечными солдатами. Здесь используется компьютер. Это – система программирования, компьютерный язык... Его достоинство – превосходная способность обнаруживать взаимосвязи в данных, на первый взгляд

никак не связанных. Простые аналогии, скорее всего, введут вас в заблуждение. Но я могу привести некоторые примеры. Предположим, я попрошу вас оценить влияние высадки американских астронавтов на Луне на результаты выборов, скажем, в Швеции. Или как отразится изменение в законопроекте – определенное изменение – на ценах на недвижимость в центре Манхэттена? Или влияние некоторых изменений в правилах поступления в колледжи США на британскую судостроительную промышленность?

Вы, вероятно, сказали бы, что, во-первых, не будет никакого влияния, о котором стоило бы говорить, и во-вторых, что нет никакого способа оценки. Но вы были бы неправы в обоих высказываниях. В каждом из приведенных случаев влияние существует, и метод «мирных игр» может дать его количественное значение. Эти примеры не взяты с потолка. Мы использовали их в разработке метода... По существу, это сложная быстродействующая эмпирическая система, действующая методом проб и ошибок, для поиска рабочих алгоритмов. Подобная самым сложным методам компьютерного решения проблем...

Множество «игр» такого рода, о которых вы, возможно, читали – всего лишь рекламные разговорные упражнения. Это действительно игры, не более того. Я видел сообщение в Бюллетене Канадского компьютерного сообщества о так называемой «Вьетнамской мирной игре». Там используются методы симуляции, но программные гипотезы носят спекулятивный характер...

Идея проблемных решающих систем, подобных этой, создана не нами. ARPA (Агентство передовых исследований при министерстве обороны) работало над чем-то похожим. Есть разработки Дженирал Электрик, Калифорния. Есть другие... Мы добились успеха не потому, что мы знаем больше них о программировании – это неверно – но потому что мы придумали, как точно формулировать проблемы. Вспомним старую мудрость: всегда можно найти ответ, если правильно задать вопрос...

**ПРЕДПОЛОЖИМ, ЭТОТ МЕТОД НЕ БЫЛ РАЗРАБОТАН. ВЫ ПОЛУЧИЛИ БЫ ТЕ ЖЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ОТЧЕТЕ?**

Конечно. Но в таком случае потребовалось бы намного больше времени. Но прошу не истолковать превратно мой энтузиазм [относительно метода «мирных игр»]. При всем должном уважении к применению компьютерных технологий в современном мышлении следует отметить, что основные суждения по-прежнему должны делаться людьми. Не техника «мирных игр» создала наш Отчет. Это сделали мы.

## ЗАЯВЛЕНИЕ «ДЖОНА ДОУ»

Вопреки решению Специальной исследовательской группы, членом которой я был, я принял меры к широкой публикации нашего Отчета. Я благодарю г. Леонарда К. Левина за его неоценимую помощь в подготовке этой публикации, и издательство The Dial Press за саму публикацию. Ответственность за это действие, тем не менее, лежит на мне, и только на мне.

Я отлично понимаю, что мое действие может быть воспринято некоторыми из моих прежних коллег как предательство. Но, на мой взгляд, моя ответственность перед обществом, членом которого я являюсь, перевешивает любые обязательства, взятые на себя пятнадцатью людьми. Поскольку наш Отчет вполне самодостаточен, нет необходимости раскрывать их имена для достижения моей цели. Но я с удовольствием отказываюсь от своей собственной анонимности, поскольку возможно сделать это, не затрагивая их, чтобы отстаивать нашу работу публично, в случае, если они освободят меня от моего обязательства.

Но это вторично. Что необходимо немедленно, и ужасно необходимо – это широкое общественное обсуждение и дебаты об элементах войны и проблемах мира. Я надеюсь, что публикация этого Отчета станет началом такого обсуждения.

Библиотека Конгресса США, карточка каталога № 67-27553.

ОТЧЕТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ...  
ЗАПИСКА О РАСПРОСТРАНЕНИИ... организатору Группы:

Представляем Отчет Специальной исследовательской группы, организованной Вами в августе 1963 г. с задачами: 1) рассмотреть проблемы, возникающие при переходе к состоянию всеобщего мира; и 2) рекомендовать действия для решения этих проблем. Для удобства неискушенных читателей мы решили представить наши статистические выкладки, в количестве 604 обзоров, отдельно, так же как и предварительное руководство по «мирным играм», методу, созданному в процессе исследования.

Мы выполнили свою работу наилучшим образом, с учетом наших способностей, временных и ресурсных ограничений. Факты и рекомендации определены нами единодушно; те из нас, кто имеет мнения, отличающиеся в некоторых второстепенных деталях, считают эти отличия недостаточными для изложения в Отчете. Мы очень надеемся, что результаты нашего исследования будут использованы нашим правительством при руководстве нацией в решении сложных и долгосрочных проблем, исследованных нами, и что наши рекомендации для будущих действий Президента в этой области будут приняты.

Из-за необычных обстоятельств, окружающих учредителей нашей Группы, а также ввиду характера результатов, мы не рекомендуем широкую публикацию Отчета. Мы утверждаем, что такое действие было бы не в интересах общества. По нашему мнению, сомнительные преимущества широкого обсуждения наших заключений и рекомендаций значительно перевешиваются ясной и предсказуемой опасностью кризиса общественного доверия, который, как мы ожидаем, будет вызван несвоевременной публикацией этого Отчета. Кажется очевидным, что непрофессиональный читатель, не сознающий острых политических и военных проблем и ответственности решений в этих областях, неверно истолкует цель этого проекта и намерения его участников. Мы убеждены, что распространение этого Отчета лучше ограничить кругом лиц, чьи обязанности требуют информированности о его содержании.

Мы глубоко сожалеем, что необходимость анонимности, являвшейся условием непредвзятости работы нашей Группы, не позволяет надлежащим образом выразить благодарность многим людям в правительстве и вне его, которые значительно способствовали нашей работе.

От имени специальной исследовательской группы

[подпись, подтверждающая отказ от публикации]

30 сентября 1966 г.



# Отчет о возможности и желательности мира

## ВВЕДЕНИЕ

В нижеследующем Отчете изложены результаты длившегося два с половиной года исследования широкого круга проблем, ожидаемых при трансформации американского общества в состояние недостаточности его самых критических характеристик -способности и готовности к ведению войны – в случае, если подобная трансформация будет сочтена необходимой и желательной политическим руководством.

Наша работа основана на вере, что состояние всеобщего мира может быть достигнуто путем переговоров в ближайшем будущем. Вступление де факто коммунистического Китая в Организацию Объединенных Наций ожидается в течение не более нескольких лет. Это означает, что конфликты американских национального интересов с интересами Китая и Советского Союза получают возможность политического решения, несмотря на некоторые сомнения в этом, вызванные идущей Вьетнамской войной, угрозой нападения на Китай и неизменно враждебной тональностью ежедневных внешнеполитических утверждений. Очевидно, что различия в позициях стран с готовностью снижаются, когда они достигают устойчивого мира между собой. С позиций нашего исследования нет необходимости предполагать, что общая разрядка такого типа произойдет – и мы не делаем такого вывода – но она может произойти.

Конечно, не будет преувеличением сказать, что состояние общего мира во всем мире приведет к беспрецедентным и революционным изменениям в социальных структурах стран мира. Экономическое воздействие всеобщего разоружения, если говорить только об этом самом очевидном последствии мира, приведет к столь сильному пересмотру методов производства и распределения в глобальном масштабе, что изменения предыдущих пятидесяти лет покажутся незначительными. Политические, социологические, культурные и экологические изменения будут весьма далеко идущими. Мотивацией нашего исследования этих непредвиденных последствий было нарастающее ощущение думающих людей в правительстве и вне его, что мир тотально не подготовлен к разрешению проблем, порождаемых таким состоянием.

Первоначально, когда наше исследование только начиналось, мы планировали рассмотреть два обширных вопроса и их компоненты: Чего можно ожидать, если установится мир? К чему мы должны готовиться в связи с этим? Но по мере продвижения исследования стало ясно, что придется рассмотреть и другие вопросы. Каковы, например, реальные функции войны в современных обществах, помимо очевидных – защиты и продвижения национальных интересов? Какие иные институты, существующие или потенциальные, могут выполнять эти функции в отсутствие войны? Если считать, что «мирное» урегулирование споров входит в диапазон имеющихся международных отношений, то является ли отказ от войн, в

широком смысле, действительно возможным? Если да, то желателен ли и необходим ли такой отказ, с позиций социальной стабильности? Если нет, то что может быть сделано для повышения действенности нашей социальной системы в сфере ее военной готовности?

Термин «мир», коль скоро мы используем его в наших рассуждениях, описывает постоянное или квазипостоянное состояние, полностью свободное от осуществления или рассмотрения странами любой формы организованного социального насилия, или угрозы насилия, известного как война. Он подразумевает полное и всеобщее разоружение. Он не используется для описания таких известных состояний, как «холодная война», «вооруженный мир» или любой другой длительной или короткой отсрочки вооруженного конфликта. И при этом термин не употребляется просто в качестве синонима для политического урегулирования международных разногласий. Мощь современных средств массового разрушения и скорость современных коммуникаций требует неограниченного рабочего определения понятия, данного выше; всего поколение назад столь абсолютное описание казалось бы скорее утопическим, чем прагматическим. Сегодня же практически любая модификация данного определения сделала бы его непригодным для достижения нашей цели. Таким же образом мы используем термин «война» для описания обычной («горячей») войны, общего состояния военных приготовлений или военной готовности, и вообще «военной системы». Смысл, вкладываемый в это определение, ясен из контекста.

Первая глава нашего Отчета дает обзор проблемы и описывает предпосылки, на которых основывалось наше исследование. Вторая рассматривает влияние разоружения на экономику, т.е. предмет большинства исследований мира до настоящего времени. В третьей главе предложены так называемые «сценарии разоружения». Четвертая, пятая и шестая посвящены невоенным функциям войны и проблемам, которые их выполнение вызовет при представимом переходе к миру; здесь будут найдены некоторые признаки истинной сути проблемы, предварительно не выявленные никакими иными исследованиями. В седьмой главе мы подведем итоги исследования, и в восьмой формулируем рекомендации того, каким, как мы полагаем, должно быть практически необходимое направление действий.

## ГЛАВА 1. ОБЗОР ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Когда Специальная исследовательская группа была создана в августе 1963 г., ее члены получили инструкции, что в рассуждениях и обсуждении они должны руководствоваться тремя основными критериями. Если говорить коротко, эти критерии: 1) объективность в военном духе; 2) воздержание от предзаданной ценностной ориентации; 3) учет всех относящихся к теме теорий и данных.

Эти исходные условия отнюдь не столь очевидны, как могут показаться на первый взгляд, и мы полагаем, что необходимо ясно объяснить, какое влияние они оказали на нашу работу. Условия кратко выражают причину ограниченности предыдущих исследований мира, а также определяют природу неудовлетворенности, как правительственной, так и неофициальной, результатами этих более ранних усилий. Мы не имеем намерения принизить значение работы наших предшественников или умалить качество их результатов. Что мы пытались сделать, и думаем, что сделали – это расширение их взглядов. Мы надеемся, что наши выводы смогут послужить, в свою очередь, отправной точкой для более широких и более детальных исследований каждого аспекта проблем перехода к миру и вопросов, которые должны быть разрешены, прежде чем такой переход может быть совершен.

Вполне очевидно, что объективность чаще является намерением, чем достигнутым отношением; но такое намерение, при условии его сознательности, неизменности, и постоянной самокритичности, является обязательным условием достижения объективности. Мы не считаем случайностью то, что нас подталкивали к использованию модели «военной случайности» в нашем исследовании; и мы отдаем должное гражданским учреждениям военного планирования за их пионерные работы в области объективного изучения непредвиденных обстоятельств ядерной войны. Но подобного прецедента в исследовании мира нет. Например, большая часть применяемых, даже наиболее сложных и тщательно аргументированных, программ мирной конверсии экономики искажена стремлением показать, что мир не только возможен, но что переход к миру дешев или легок. Одно официальное сообщение переполнено ссылками на ведущую роль «динамичного оптимизма» в экономическом развитии, и продолжает подчеркивать как данность, что «было бы трудно вообразить, что американский народ не отнесется положительно к согласованной и безопасной программе установления международных законов общественного порядка» и т.д. Другое распространенное мнение – что разрушение повлечет за собой сравнительно небольшую дезорганизацию экономики, поскольку будет происходить постепенно; мы рассмотрим этот подход позже. Часто подлинная объективность в военных исследованиях критикуется за антигуманизм. Герман Кан, автор наиболее известных широкой публике стратегических исследований, описывает это так: «Критики часто возражают против ледяной рациональности Гудзоновского Института, корпорации Рэнд и прочих подобных организаций. Мне всегда хочется спросить в ответ: а вы предпочли бы теплую, человеческую ошибку? Будет ли вам лучше от эмоционально приятной ошибки?». Как подчеркивает министр обороны Роберт С. Макнамара, давая рекомендацию

мужественно относиться к возможности ядерной войны: «Некоторые люди боятся даже глядеть в сторону края... но в вопросах термоядерной войны мы не можем позволить себе никакую политическую фобию». Мы уверены, что было бы самоочевидным применять такой подход и к противоположной перспективе, но пока никто не взглянул более чем робко на самый краешек проблемы мира.

Стремление избегать предвзятых ценностных суждений гораздо продуктивнее самообольщения. Мы, как и все люди, склонны к такого типа предубеждениям; но мы предпринимали постоянные сознательные усилия, чтобы исследовать проблемы мира без предположений, например, что состояние мира является обязательно «хорошим» или «плохим». Это было нелегко, но это было обязательно; насколько мы знаем, прежде не было исследований нашему предмету, основанных на подобном подходе. Предыдущие исследования рассматривали желательность мира, ценность человеческой жизни, приоритет демократических институтов, наибольшее «благо» для подавляющего большинства, «достоинство» индивидуума, желательность максимального здоровья и долгожительства и тому подобное как аксиоматические ценности, необходимые при исследовании проблем мира. Мы не считали их таковыми. Мы постарались применять к нашим размышлениям стандарты физической науки, основной принципиальной характеристикой которых является не количественный подход, как принято полагать, но то, что, по словам Уайтхеда, «... они игнорируют все ценностные суждения; например, эстетические и моральные». Все же очевидно, что любое серьезное исследование проблемы, хотя бы и «чистое», требует наличия некоторого нормативного стандарта. В нашем случае в качестве такового были приняты простое выживание человеческого общества вообще, американского общества в частности и, как условие выживания, стабильность этого общества.

Очень интересно, мы полагаем, обратить внимание на то, что самые беспристрастные разработчики ядерной стратегии также признают, что стабильность общества – одна из ценностных основ, от которых нельзя отказаться. Министр обороны Макнамара отстаивал потребность в американском ядерном превосходстве на том основании, что оно «делает возможной стратегию, позволяющую сохранить ткань наших обществ, если война все же произойдет». Бывший член отдела планирования политики Госдепартамента идет далее. «Более точным определением для мира, в терминах практического мира, является стабильность... Сегодня большие ядерные арсеналы – существенные элементы существующей стабильности. Наша сегодняшняя цель должна состоять в том, чтобы продолжить процесс изучения вопроса, как жить с этим». Мы, конечно, не считаем эквивалентными понятия «стабильность» и «мир», но мы принимаем стабильность как единую общую цель как мира, так и войны.

Третий критерий, широта, увел нас еще дальше от исследований проблем мира, проведенных до настоящего времени. Для любого непрофессионала очевидно, что экономические нормы мира без войн будут решительно отличаться от того, как мы живем сегодня; и столь же очевидно, что политические отношения наций будут не такими, какие мы привыкли считать само собой разумеющимися, иног-

да описывая их как глобальную версию системы противовесов на основе нашего общего права. Но социальные последствия мира простираются много дальше его предполагаемого воздействия на национальную экономику и международные отношения. Как мы покажем, воздействие войны и мира на внутреннюю политическую организацию обществ, на социальные отношения их членов, на психологические мотивации, на экологические процессы, на культурные ценности одинаково значимо. Что более важно, оно является одинаково критическим как при рассмотрении последствий перехода к миру, так и при определении выполнимости любых изменений вообще.

Не удивительно, что эти менее очевидные факторы вообще игнорировались в исследованиях мира. Они не явили себя систематическому анализу. Было очень трудно, почти невозможно, оценить с достаточной степенью уверенности, от чего зависит их воздействие. Они неосвязаемы, но только в том же смысле, в каком абстрактные концепции в математике являются неосвязаемыми в сравнении с теми, которые могут быть определены количественно. Экономические факторы, с другой стороны, могут быть измерены, по крайней мере, поверхностно; и международные отношения могут быть вербально трансформированы в логические последовательности, подобные законам.

Мы не утверждаем, что мы обнаружили безошибочный способ измерения этих неосязаемых факторов, или что определили их точные веса в уравнении перехода. Но мы полагаем, что мы приняли во внимание их относительную важность до определенной степени: мы перевели их из категории «неосязаемых», то есть, с научной точки зрения, игнорируемых, в категорию объективных. Результат, мы уверены, обеспечивает реализм в обсуждении проблем, порождаемых возможным переходом к миру, который до сих пор отсутствовал.

Нельзя сказать, что нам удалось найти ответы, которые мы искали. Но мы полагаем, что наше расширение обзора проблемы по крайней мере позволило начать понимать вопросы.

## ГЛАВА 2. РАЗОРУЖЕНИЕ И ЭКОНОМИКА

В этой главе мы кратко рассмотрим некоторые из общих особенностей опубликованных исследований, описывающих те или иные аспекта ожидаемого воздействия разоружения на американскую экономику. Независимо от того, рассматривается ли разоружение как побочный продукт мира или как его предварительное условие, в любом случае его влияние на народное хозяйство и его последствия проявятся немедленно. Псевдо-измеримое качество экономических проявлений вызвало в этой области большее количество детализированных спекуляций, чем в любой другой.

Существует общее согласие относительно наиболее важных экономических проблем, вызываемых всеобщим разоружением. Краткий обзор этих проблем вполне достаточен для целей данного Отчета, детальный критический анализ их сравнительного значения не требуется.

Первый фактор – это объем. Объем производства «мировой военной промышленности», как один из авторов точно назвал ее, составляет приблизительно одну десятую часть всей продукции мировой экономики. Хотя эта величина подвержена колебаниям, причины которых в свою очередь меняются независимо в разных регионах, она имеет тенденцию к постоянству. Соединенные Штаты как самая богатая нация мира, не только дают наибольшую отдельную долю этой величины, в настоящее время более 60 миллиардов долларов в год, но также и «...имеют более высокое соотношение между военной составляющей валового национального продукта и валовым продуктом, чем любая другая из основных наций свободного мира. Так было даже до увеличения наших военных расходов в Юго-Восточной Азии». Планы конверсии экономики, которые принижают экономический объем проблемы, всего лишь рационализируют, хотя и убедительно, поддержание существенного военного бюджета, пусть и обозначаемого эвфемизмами.

Конверсия военных расходов в мирные влечет за собой множество трудностей. Наиболее серьезные проблемы такого рода связаны с жесткой специализацией, характерной для современного военного производства; особенно это заметно для ядерных и ракетных технологий. Это не было фундаментальной проблемой после Второй Мировой войны; также не было проблем для поставщиков предметов потребления на слабо наполненный свободный рынок – потребители товаров и услуг обеспечивали спрос. Сегодняшняя ситуация качественно отлична в обоих отношениях.

Такая негибкость связана с географическими и профессиональными и факторами; для промышленности большинство исследователей экономических результатов разоружения сосредоточивалось на поэтапных планах переселения персонала военной промышленности и переброске капитала, а также на предложениях о создании новых товаров. Один серьезный недостаток, общий для подобных планов, называется в естествознании «макроскопической ошибкой». В них неявно присутствует утверждение, что общий государственный план конверсии отличается от локальных программ сокращения «оборонных предприятий» только раз-

махом. Мы не находим никаких причин полагать, что это утверждение верно, т.е. что генеральное расширение подобных локальных программ, с основательным планированием в терминах переселения, профессиональной переквалификации и т.п., может стать программой национального масштаба. Национальная экономика может перенести почти любой объем вспомогательных реорганизаций ограниченного масштаба без значительного изменения своей структуры. Всеобщее разоружение, которое требует весьма существенных изменений, и само не сводится к расширению аналогичных действий меньшего масштаба.

Еще более сомнительными представляются модели, предлагающие занятие высвобождающейся рабочей силы в иной области, в невоенном производстве. Накопление со временем нерешенных вопросов, связанных с характером нового распределения рабочей силы – например, переквалификация для чего? – а также все большая и большая специализация навыков работы в военной промышленности приведут в дальнейшем к их обесцениванию из-за все ускоряющегося нашествия новых индустриальных технологий, упрощенно называемых «автоматизацией». Не будет преувеличением сказать, что общее разоружение потребует пересмотра критического для экономики распределения наиболее высокопрофессиональных кадров в высокотехнологичных отраслях. В сравнении с политическими трудностями, связанными с подобным «регулированием», протесты, последовавшие за закрытием в 1964 г. нескольких устаревших военных и военно-морских сооружений, звучат подобно шепоту.

Вообще обсуждения проблем конверсии характеризуются нежеланием признать их качественную новизну. Лучше всего это демонстрирует Отчет «Комитета Экли (Ackley)», 1965 г. Так, в нем безосновательно предполагается, что «... ничто в экономике вооружений – ни ее размер, ни ее географическая концентрация, ни ее высокоспециализированная природа, ни особенности ее рынка, ни высокая специализация большей части ее рабочей силы – не делает ее особенной, уникальной, когда возникает необходимость регулирования».

Предположим, несмотря на недостаток доказательств, что жизнеспособная программа конверсии может быть реализована в структуре существующей экономики, что отмеченные выше проблемы могут быть решены. Но в каких целях использовать производственные мощности, которые разоружение, видимо, высвободит?

Самая обычная из принятых теорий предполагает, что общие реинвестиции в экономику поглотят большую часть этих мощностей. В основном считается само собой разумеющимся (даже теми, кто сегодня считается либеральными экономистами), что для решения «структурных» проблем конверсии понадобится беспрецедентная правительственная поддержка (и сопутствующий правительственный контроль). При этом преобладает общая вера, что производство новых предметов потребления поможет выжить самым слабым предприятиям. Что менее ясно – природа этих новых предметов.

Одна школа экономистов считает, что эти новые предметы потребления определятся сами собой. Они предусматривают, что эквивалент военного бюджета,



при осторожном управлении, будет возвращаться потребителям в форме снижения налогов. Другие, признавая бесспорную потребность в увеличении «потребления» в том, что вообще считают общественным сектором экономики, предлагают значительное увеличение расходов правительства в таких областях национальных интересов как здравоохранение, образование, общественный транспорт, дешевое жилье, водоснабжение, контроль за состоянием окружающей среды, и то, что называют общим термином «бедность».

Механизмы, предложенные для управления переходом к «безоружейной» экономике, также традиционны – изменения в обеих частях федерального бюджета, манипулирование процентными ставками, и т.д. Мы признаем бесспорную ценность налоговых инструментов в нормальной циклической экономике, где они обеспечивают возможность усиления или ослабления существующих тенденций. Однако их наиболее убежденные сторонники имеют свойство упускать из виду тот факт, что есть предел способности этих методов влиять на фундаментальные экономические явления. Эти методы могут обеспечить стимулирование чего-то в экономике, но они не могут сами по себе преобразовать производство ракет объемом в миллиард долларов в год в эквивалентное производство продовольствия, одежды, сборных домов или телевизоров. Они скорее следуют за экономикой, чем мотивируют ее.

Более искушенные и менее жизнерадостные аналитики рассматривают отвлечение средств военного бюджета в невоенные системы, столь же отдаленные от рыночной экономики. Чаще всего подобные «строители пирамид» предлагают расширение программ космических исследований в долларовом эквиваленте. Такой подход дает некоторую возможность облегчить проблемы переноса ресурсов, но он создает свои трудности, которые мы рассмотрим в главе 6.

Не занимаясь специальной критикой отдельных ранее проведенных исследований ожидаемого воздействия разоружения на экономику, мы можем суммировать наши возражения им в общих чертах следующим образом:

1. Ни одна из предложенных программ конверсии экономики при разоружении не принимает во внимание (в достаточной степени) уникальную величину требуемых изменений, которые оно влечет за собой.

2. Предложения преобразовать производство оружия в систему общественно-полезных работ – результат скорее благих пожеланий, чем реалистичного понимания возможностей нашей существующей экономической системы.

3. Налоговые и денежно-кредитные инструменты не способны обеспечить управление процессом перехода к экономике без производства вооружений.

4. Недостаточно внимания уделяется политической приемлемости объективных последствий предложенных конверсионных моделей. То же можно сказать и о политических последствиях самой конверсии.

5. Ни в одном предложенном конверсионном плане не производилось серьезное рассмотрение фундаментальных невоенных функций войны и вооружений в современном обществе, при этом не было никаких попыток создания жизнеспособных заменителей для выполнения этих функций. Подробно это положение рассматривается в главах 5 и 6.



### ГЛАВА 3. СЦЕНАРИИ РАЗОРУЖЕНИЯ

СЦЕНАРИИ, коль скоро мы их так называли, определяются как гипотетические описания будущих событий. Они неизбежно представляют собой композиции, в разной пропорции, установленных фактов, рациональных суждений и более или менее вдохновенных догадок. Сценарии, предложенные в качестве образцовых процедур межнационального контроля над вооружениями и окончательного разоружения, неизбежно основаны на догадках, хотя отчасти и рациональны; в этом отношении они напоминают исследования «военных игр» в корпорации Рэнд, с которыми они имеют общее концептуальное происхождение.

Все серьезные сценарии подразумевают наличие двусторонних или многосторонних соглашений между наиболее сильными странами. В целом они предполагают расширяющееся поэтапное сокращение тяжелого вооружения, численности вооруженных сил, оружия и оружейных технологий, скоординированное со сложными процедурами проверок и инспекций, а также создание механизмов для урегулирования международных споров. Необходимо отметить, что даже сторонники одностороннего разоружения связывают свои предложения с подразумеваемым требованием взаимности, что очень похоже на сценарий дозированного ответа в ядерной войне. Преимущество односторонней инициативы состоит в ее политической ценности как выражения честных намерений, ее дипломатическая функция – быть катализатором для формальных переговоров разоружения.

Модель разоружения READ (аббревиатура программы исследования экономических регуляторов разоружения, Research Program on Economic Adjustments to Disarmament) типична для таких сценариев. Это – двенадцатилетняя программа, разделенная на трехлетние стадии. Каждая стадия представляет собой отдельную фазу процесса: сокращение вооруженных сил; сокращение производства оружия, материальных запасов для него, и военных баз за границами стран; развитие международных процедур инспекции и институтов контроля; и, наконец, создание верховной международной организации по разоружению. Эта программа предполагает снижение американских оборонных расходов лишь чуть больше, чем на половину суммы 1965 г., но при этом передислокацию примерно пяти шестых всей рабочей силы, занятой в военной промышленности.

Разброс экономических рассуждений, предлагаемых авторами в различных сценариях разоружения, весьма широк. Более консервативные модели, подобные описанной выше, содержат внутреннее противоречие как в экономическом, так и в военном отношении – они предполагают создание организаций по разоружению и безопасности, требующих расходов, близких к значительной части расходов на замещаемые военные отрасли промышленности. Такие программы предполагают преимущества меньшего экономического регулирования. Другие модели подчеркивают, напротив, величину (и соответствующие преимущества) экономии средств, которая будет получена в результате разоружения. Один широко распространенный анализ оценивает ежегодную стоимость инспекционной составляющей всеобщего разоружения во всем мире примерно в 2-3 % от сегодняшних

военных расходов. Оба типа планов имеют тенденцию рассматривать ожидаемую проблему перепрофилирования экономики только в целом. Мы не нашли среди предлагаемых сценариев разоружения ни одного, который увязывал бы последовательные шаги по сокращению определенных видов вооруженных сил с определенными новыми формами конверсии экономики.

Не приводя детального рассмотрения сценариев разоружения, мы можем охарактеризовать их общими замечаниями:

1. При наличии подлинного согласованного намерения наиболее мощных стран планирование контроля над вооружениями и их устранения не создает с неизбежностью непреодолимых процедурных проблем. Любой из нескольких предложенных сценариев мог бы послужить основанием для многостороннего соглашения или для первого шага по одностороннему сокращению вооружений.

2. Ни одно из наиболее сильных государств не может начать такую программу без предварительной разработки плана конверсии экономики, полностью увязанного с каждой стадией разоружения. В Соединенных Штатах такого плана нет.

3. Кроме того, сценарии разоружения, предусматривающие конверсию экономики, не рассматривают невоенные функции войны в современных обществах и не предлагают никакого заменителя для выполнения этих необходимых функций. Существует одно частичное исключение – предложение о «невооруженных силах Соединенных Штатов», которое мы рассмотрим в главе 6.

## ГЛАВА 4. ВОЙНА И МИР КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Мы довольно кратко рассмотрели предложенные сценарии разоружения и экономические исследования, но причиной для нашего на первый взгляд небрежного отказа от подробного рассмотрения столь большого объема серьезных и сложных работ лежит не в непочтительности или сомнении в их компетентности. Этот отказ – скорее результат их соотнесения с реальностями мира. Выражаясь яснее, все эти программы, хотя бы и детальные и хорошо проработанные, абстрактны. Даже наиболее тщательно аргументированный сценарий разоружения выглядит более похожим на правила игры или на школьное упражнение в логике, чем на прогноз реальных событий в реальном мире. Это столь же верно в отношении сегодняшних сложных предложений, как и в отношении предложенного 250 лет назад аббатом де Сент-Пьером «Плана установления вечного мира в Европе».

Всем этим схемам явственно недостает некоторого существенного элемента. Одна из наших первых задач состояла в том, чтобы попытаться привнести это отсутствующее качество в рассмотрение проблемы, и мы полагаем, что мы преуспели в этом. Мы находим, что в основе любого из рассмотренных нами исследований мира – от скромных технологически-ориентированных планов (вроде перепрофилирования завода по производству ядовитых газов на производство «социально полезных» эквивалентов) до самых сложных сценариев достижения всеобщего мира, вне зависимости от времени их создания – лежит одно общее фундаментальное неверное представление. Оно – источник нереалистичности, свойственной этим планам. Неправильным является предположение, что война как институт является подчиненной по отношению к социальным системам, которым, как предполагается, она служит.

Это неправильное представление, глубокое и имеющее далеко идущие следствия, вполне объяснимо. Немногие из социальных клише считаются столь несомненными, как представление о том, что война есть продолжение политики. Это положение, будь оно верным, служило бы отличной основой для чрезвычайно механистичного или процедурного рассмотрения экономистами и политическими теоретиками проблем перехода к миру. Они действительно рассматривают эти проблемы как логический эквивалент урегулирования конфликтов национальных интересов. Если бы означенное положение было верным, не было бы никаких существенных трудностей перехода к всеобщему миру. Вполне очевидно, что даже в сегодняшнем мире не существуют никакого мыслимого конфликта интересов, реального или воображаемого, между нациями или между социальными силами в пределах наций, который не мог бы быть разрешен без обращения к военным средствам – при условии, что подобное решение будет считаться приоритетным по социальной ценности. И если бы оно было верным, упомянутые нами экономические исследования и предложения по разоружению, правдоподобные и проработанные со всей возможной тщательностью, не вызывали бы чувства второстепенности, что им всем свойственно.

Дело в том, что указанное клише неверно, и проблемы перехода к миру являются в действительности самостоятельными, а не просто процедурными. Оно считается верным, хотя вроде бы «используется» как инструмент национальной и социальной политики тот факт, что общество, достигшее определенной степени готовности к войне, изменяет свою политическую и экономическую структуру. Война сама по себе является базовой социальной системой, в пределах которой другие вторичные способы социальной организации либо вступают с ней в противоречие, либо действуют скрыто. Война – система, которая управляла большинством человеческих сообществ в истории, и она продолжает делать это и сегодня.

Как только это положение правильно понято, истинная величина проблем, возникающих при переходе к миру – также являющемуся социальной системой, но не имеющей прецедента, за исключением нескольких простых доиндустриальных сообществ – становится очевидной. При этом некоторые из лежащих на поверхности озадачивающих противоречий современных обществ могут быть разрешены. «Ненужные» размер и влияние мировой военной промышленности; открытое или скрытое превалирование военного истеблишмента в любом обществе; освобождение военных или военизированных учреждений от принятых социальных и юридических стандартов поведения, обязательных для любых других субъектов общества; успешные действия вооруженных сил и производителей вооружений абсолютно вне структуры основных национальных экономических правил: эти и другие противоречия, тесно связанные с отношениями войны и общества, легко объясняются, как только принят приоритет военного потенциала как организующей силы в обществе. Экономические системы, политические философии и свод законов обслуживают и расширяют военную систему, а не наоборот.

Должно быть подчеркнуто, что превалирование военного потенциала общества по отношению к его другим характеристикам – не результат некоей «угрозы», предположительно существующей в любой момент со стороны других обществ. Это суждение полностью обратно реальной ситуации; «угроза национальным интересам» обычно создается и усиливается в ответ на изменение потребностей военной системы. Только сравнительно недавно было признано политически целесообразным оправдание военного бюджета эвфемизмом «оборонный». Потребность правительств, в подчеркивании различий между «агрессией» (плохо) и «обороной» (хорошо) явилась побочным продуктом роста грамотности и роста скорости коммуникаций. Различие это является лишь тактической уступкой растущей неадекватности древних политических объяснений войны.

Войны не «вызываются» международными конфликтами интересов. Правильная логическая последовательность делает более точным высказывание, что военно-ориентированные общества нуждаются в таких конфликтах, и тем самым их порождают. Способность нации к порождению войны является самой мощной социальной силой, которая для нее возможна; создание войны, активное или предполагаемое, является вопросом жизни и смерти для субъектов социального управления. Поэтому не стоит удивляться, что военные институты в каждом обществе являются его высшим приоритетом.

Далее мы находим, что большинство недоумений, окружающих миф о том, что война есть инструмент государственной политики, происходит от общего непонимания функций войны. В целом эти функции описываются следующим образом: защита нации от военного нападения извне или предупреждение такого нападения; защита или продвижение «национальных интересов» – экономических, политических, идеологических; самоценное поддержание или повышение национальной военной мощи. Это видимые, или очевидные, функции войны. Если бы не было никаких других функций войны, то влияние военного истеблишмента в каждом обществе должно было бы фактически уменьшаться до соответствующего этим функциям иерархического уровня. И в этом случае устранение войны действительно было бы процедурным вопросом, как и предполагается сценариями разоружения.

Но есть другие, более широкие, более глубинные функции войны в современных обществах. Это невидимые, или подразумеваемые, функции, которые поддерживают военную готовность как доминирующую силу в наших обществах. И именно нежелание или неспособность авторов сценариев разоружения и планов конверсии экономики учитывать их столь сильно снижает полноту их работы и делает их предложения столь не связанными с миром, в который мы живем.

## ГЛАВА 5. ФУНКЦИИ ВОЙНЫ

Как мы указали, значение войны как основной организующей силы в большинстве обществ недооценивается. То же можно сказать относительно обширного влияния войны на множество невоенных действий общества. Это влияние менее очевидно для сложных индустриальных обществ, подобных нашему собственному, чем для примитивных культур, действия которых можно понять более легко и полно.

Мы предлагаем в этой главе рассмотреть невоенные, подразумеваемые и обычно невидимые функции войны, в той степени, в которой они влияют на проблемы перехода к миру для нашего общества. Военные, или очевидные, функции военной системы не требуют рассмотрения; она служит всего лишь для защиты или продвижения «национальных интересов» посредством организованного насилия. Для национального военного истеблишмента зачастую необходимо создать потребность в собственных уникальных полномочиях – чтобы поддержать привилегии, так сказать. И «здоровье» военного аппарата требует «упражнений», являющихся целесообразными для предотвращения его атрофии.

Невоенные функции военной системы являются в действительности более важными. Они существуют не в качестве самооправдания, но преследуют весьма широкий круг социальных целей. Если и когда война будет устранена, ее военные функции исчезнут. Но невоенные функции никуда не денутся. Поэтому очень важно понять их значение, прежде чем мы сможем разумно оценивать, какие институты могут быть предложены для их замены.

### ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

Производство оружия массового поражения всегда ассоциировалось с экономическими «потерями». Термин имеет негативную окраску, поскольку подразумевает неудачное завершение действия. Но никакая человеческая деятельность не может считаться расточительной, если она достигает подразумеваемой цели. Фраза «расточительно, но необходимо» характеризует не только военные расходы, но и большинство «непроизводительных» коммерческих действий нашего общества; она содержит в себе противоречие. «...Возражающие против военных расходов как пустой траты средств, видимо, скрывают или неправильно истолковывают, что некоторые виды затрат могут иметь большую социальную пользу».

В случае военных «затрат» действительно существует большая социальная польза. Она происходит из того факта, что «расточительность» военного производства полностью лежит вне структуры экономики спроса и предложения. Поэтому они обеспечивают существование единственного критически большого сегмента всей экономики, подчиняющегося полному и произвольному централизованному управлению. Если современные индустриальные общества могут быть определены как развившиеся до способности производить больше, чем требуется для их экономического выживания (независимо от справедливости распределения товаров внутри них), то военные расходы можно охарактеризовать как единственный маховик, обладающий достаточной инерцией для стабилизации развития

их экономик. «Расточительность» войны – это то, что позволяет выполнять эту функцию. И чем быстрее развивается экономика, тем тяжелее должен быть этот маховик.

Эта функция часто рассматривается, чрезмерно упрощенно, как инструмент для управления излишками. Один из авторов, раскрывавших эту тему, говорит по этому поводу: «Почему война настолько замечательна? Потому что она создает искусственный спрос ... единственный вид искусственного спроса, который не поднимает никаких политических проблем: война, и только война, решает проблему баланса». Здесь имеются в виду исключительно «стреляющая», «горячая» война, но высказывание полностью применимо также и к военной экономике вообще. «По общему согласию», более осторожно заключает Отчет группы американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, «этот весьма разросшийся со времен Второй Мировой войны общественный сектор вследствие большого объема оборонных расходов обеспечил дополнительную защиту от депрессий, поскольку он нечувствителен к колебаниям в частном секторе; он выполняет в экономике функцию своего рода буфера или маховика».

Основная экономическая функция войны, по нашему мнению – это выполнение роли «маховика», стабилизатора. Не стоит путать исполнение этой функции с различными формами налогового регулирования, ни одна из которых не имеет дела непосредственно с огромным количеством объектов управления, ни одна из которых непосредственно не управляет значительным числом людей и объектов производства. Не стоит также связывать эту функцию со значительными правительственными расходами на программы социального обеспечения; после своей инициации такие программы обычно становятся неотъемлемыми частями общей экономики и более не подчиняются произвольному управлению.

Но даже в контексте общей гражданской экономики войну нельзя считать только «расточительной». Без устоявшейся военной экономики и без ее частого извержения в крупномасштабную «горячую» войну большинство главных индустриальных достижений, известных истории, начиная с использования железа, возможно, никогда не состоялись бы. Оружейные технологии во многом создают экономику. По словам процитированного выше автора «нет ничего более иронического и рассказывающего о нашем обществе, чем тот факт, что чрезвычайно разрушительная война является при этом весьма прогрессивной силой... Военное производство прогрессивно, потому что порождает производства, которые иначе не существовали бы (например, очень сильно недооценен тот факт, что уровень жизни граждан повысился в течение Второй Мировой войны)». Это – не «ироничное и рассказывающее» суждение, но по существу простое утверждение факта.

Должно также быть отмечено, что военное производство надежно создает стимулирующий эффект вне себя. Помимо «расточительной» утечки в экономике, военные расходы, если рассматривать их с практической точки зрения, служат постоянным фактором повышения валового национального продукта и индивидуальной производительности. Прежний военный министр следующим образом сформулировал это положение для широкой общественности: «Если есть – а я по-

дозреваю, что она есть – прямая связь между повышением оборонных расходов и существенно большим ростом валового национального продукта, то из нее весьма просто следует, что оборонные расходы могут рассматриваться с экономической точки зрения как стимулятор национального метаболизма». Фактически фундаментальная невоенная полезность войны для экономики признается намного более часто, чем в редких высказываниях, подобных приведенному выше.

Но и негативно выраженные общественные признания важности войны для общей экономики также имеются в большом количестве. Самый общий пример – эффект «угрозы мира» на фондовой бирже: «Уолл Стрит была поколеблена вчера новостями о пробных мирных шагах Северного Вьетнама, но быстро возвратилась в прежнее состояние после примерно часа несколько неразборчивых продаж». Сберегательные банки привлекают вклады, используя слоганы вроде: «Готовы ли вы к тому, что вдруг разразится мир?». Более тонко такое признание выражено в недавнем отказе Министерства обороны разрешить правительству ФРГ заменять в его обязательствах по закупкам из США ненужное вооружение невоенными товарами; решающее соображение состояло в том, что немецкие закупки не должны затронуть обычную (невоенную) экономику. Другими вполне случайными примерами могут служить давление, оказываемое на Министерство обороны всякий раз, когда оно объявляет о планах вывода их пользования устаревших сооружений (как чрезмерно «расточительной» формы «расходов»), и обычная корреляция повышения интенсивности боевых действий (например, во Вьетнаме в 1965 г.) с чрезмерным повышением уровня безработицы.

Хотя мы не считаем, что заменитель войны для экономики не может быть создан, но пока не найдено ни одной комбинации методов для управления занятостью, производством и потреблением, которая показала бы на практике, что может хотя бы отдаленно сравниться с войной по эффективности. Война является, и являлась раньше, основным экономическим стабилизатором современных обществ.

#### ПОЛИТИЧЕСКИЕ:

Политические функции войны были до сегодняшнего времени еще более критическими для сохранения социальной стабильности. Вовсе не удивительно, что обсуждения конверсии экономики имеют тенденцию затихать, когда доходят до вопроса о политическом выполнении, и что сценарии разоружения, часто весьма сложные в части взвешивания международных политических факторов, имеют тенденцию игнорировать политические функции военной системы в пределах отдельных обществ.

Эти функции являются, в сущности, организационными. Прежде всего, существование общества как политической «нации» требует в качестве части своего определения выражения отношения к другим «нациям». Это – то, что мы обычно называем внешней политикой. Но национальная внешняя политика бессмысленна, если она испытывает недостаток в средствах предписания отношения к другим нациям. Она, вероятно, может приобрести подобные средства, только если она подразумевает угрозу, требующую максимальной политической организации



для своей нейтрализации – точнее сказать, организации в некотором смысле для войны. Следовательно, война, коль скоро мы включили в ее определение все действия нации, подразумевающие возможность вооруженного конфликта, является самоочевидным элементом национального самоопределения в отношении любой другой нации. Поскольку исторически аксиомой является положение, что существование любой формы вооружения подразумевает его использование, мы используем слово «мир» как фактический синоним разоружения. Но точно также слово «война» является фактически синонимом «государственности». Устранение войны подразумевает неизбежное устранение национального суверенитета и традиционного национального государства.

Военная система не только является основополагающей для существования наций как независимых политических объектов, она столь же обязательна для устойчивости их внутренней политической структуры. Без нее ни одно существовавшее когда-либо правительство не было способно обрести «легитимность», или право на управление обществом. Возможность войны обеспечивает ощущение внешней потребности, без которого ни одно правительство не может долго оставаться у власти. История демонстрирует раз за разом, как неспособность политического режима поддерживать очевидную вероятность военной угрозы приводила к его падению: в результате действия частных интересов, реакций на социальную несправедливость или других дезинтеграционных факторов. Сплочение общества перед возможностью войны – его основной политической стабилизатор. Довольно забавно, что эта первичная функция войны вообще признавалась историками только там, где она было явно выражена – в пиратских обществах великих завоевателей.

Основой власти современного государства над его гражданами являются его военные полномочия. (Есть серьезные основания полагать, что кодифицированные законы происходят из правил поведения, установленных военными победителями для побежденных врагов, которые позднее были распространены на все подчиненное население). В повседневной жизни это проявляется в существовании полиции, вооруженной организации, борющейся с «внутренним врагом» на военный манер. Подобно обычным «внешним» вооруженным силам полиция существенно выходит за рамки многих гражданских юридических ограничений в своем социальном поведении. В некоторых странах искусственное различие между полицией и другими военными силами не существует. В долгосрочной перспективе чрезвычайные военные полномочия правительства – свойственные структуре даже большинства либертарианских наций – определяют самый существенный аспект отношений между государством и гражданином.

В современных развитых демократических обществах военная система обеспечивает политическим лидерам выполнение еще одной политико-экономической функции все возрастающей важности: она служит последней большой гарантией против устранения необходимых социальных классов. Поскольку производительность экономики увеличивается к уровню, все более и более превышающему необходимый для пропитания минимум, для общества становится все более трудным

сохранять способы распределения, поддерживающие существование «добытчиков древесины и доставщиков воды» (неквалифицированных работников). Дальнейший прогресс автоматизации, как ожидается, еще более увеличит дифференциацию на «суперпрофессионалов» и тех, кого Рикардо назвал «menials», при этом обостряя проблему выживания работников низкой квалификации.

Произвольный характер военных расходов и других военных действий делает их идеально подходящими для управления этими важными классовыми отношениями. Очевидно, что если бы военная система была отвергнута, немедленно потребовались бы новые политические механизмы, обслуживающие эту жизненную подфункцию. Пока они не существуют, необходимо сохранять и поддерживать военную систему, даже если не существует иной причины, помимо прочих, кроме сохранения (безотносительно к качеству и уровню) бедности в обществе, необходимой как в качестве стимула, так и в качестве стабилизатора внутренней организации власти.

#### СОЦИАЛЬНЫЕ:

Под этим обозначением мы исследуем ряд выполняемых военной системой взаимосвязанных функций, относящихся к человеческому поведению в обществе. В целом эти функции более обширны и менее пригодны для прямого наблюдения, чем рассмотренные ранее экономические и политические факторы.

Наиболее очевидная из этих функций – проверенное временем использование военных учреждений, чтобы обеспечить антиобщественным элементам приемлемую роль в социальной структуре. Разрушительные и нестабильные социальные движения, вольно определяемые как «фашизм», традиционно возникают в обществах, испытывающих недостаток в адекватных военных или военизированных способах, дающих возможность удовлетворить потребности этих элементов. Эта функция является критической в периоды быстрых перемен. Сигналы опасности легко распознаются, даже с учетом того, что они имеют различные названия в разное время. Текущие эвфемистические клише – «преступность несовершеннолетних» и «отчуждение» – имели аналоги в любое время и в любом поколении. В более ранние времена эти функции исполнялись непосредственно военными без излишних осложнений процесса, обычно через насильственный призыв в армию или прямое порабощение. Но не трудно представить, например, снижение социального напряжения, которое, видимо, существовало в Соединенных Штатах в течение двух предшествующих десятилетий, если бы проблема социально разочаровавшихся последовавшим за Второй Мировой войной периодом была предсказана и эффективно разрешалась. Контроль над самыми молодыми и наиболее опасными лицами из враждебных обществу группировок может поддерживаться выборочной призывной системой.

Эта система и ее аналоги в других областях дают замечательно ясные примеры замаскированной полезности войны. Информированные люди в нашей стране никогда не принимали официальные объяснения сохранения призывной армии в мирное время – военные нужды, военная подготовка и т.д. – как достойные серьезного рассмотрения. Среди думающих людей более распространено реже вы-

сказываемое и менее легко опровергаемое суждение, что институт обязательной военной службы имеет «патриотический» смысл для нашего общества, и потому должен сохраняться как самоценный. Как ни странно, упрощенное официальное оправдание призывной армии будет ближе к реальности до тех пор, пока невоенные функции военных институтов не будут поняты. При переменах в обществе призыв может быть вновь введен в качестве средства контроля над враждебными, нигилистическими и потенциально опасными элементами, с весьма убедительным оправданием «военными» нуждами.

При этом нельзя счесть совпадением, что откровенная военная деятельность, и тем самым уровень военного призыва, имеет тенденцию следовать за главными изменениями уровня безработицы в низших возрастных группах. Этот уровень в свою очередь является испытанным показателем социального недовольства. Необходимо также отметить, что вооруженные силы в любой цивилизации обеспечивают важнейший поддерживаемый государством приют для тех, кого мы теперь называем «невостребованными рынком труда». Типичная европейская постоянная армия (пятьдесят лет назад), состояла из «...лиц, неспособных к работе в коммерции, промышленности или сельском хозяйстве, во главе с офицерами, не могущими практиковать любую законную профессию или вести деловое предприятие». Это утверждение по-прежнему в значительной степени верно, хотя и менее очевидно. В некотором смысле эта функция военной системы как системы поддержки экономически и культурно обделенных была предшественницей самых современных гражданских программ социального благосостояния, от W.P.A. до различных форм «социальной» медицины и социального обеспечения. Интересно, что либеральные социологи в настоящее время предлагают использовать вооруженные силы на основе выборочного призыва в качестве среды культурного развития бедных, считая это новым словом в военной практике.

Хотя нельзя сказать категорически, что такая крайняя мера социального управления, как призыв, требует военного обоснования, ни одно современное общество все же не пожелало рискнуть поэкспериментировать с любым другим оправданием. Даже в течение сравнительно простого социального кризиса, так называемой Великой Депрессии 1930-х, считалось благоразумным со стороны правительства основание малозначимых трудовых проектов, подобных «гражданскому» Строительному корпусу с явными военными признаками, и создание более честолобивой Национальной Администрации Восстановления под руководством, в самом начале, профессионального армейского офицера. Сегодня по крайней мере одна небольшая северно-европейская страна, обеспокоенная своей не поддающейся контролю «отчужденной молодежью», рассматривает вопрос о расширении своих вооруженных сил, несмотря на проблему с изобретением несуществующей внешней угрозы.

Предпринимались спорадические усилия для формирования общего признака свободных от военной коннотации национальных ценностей, но они никогда не были эффективными. Например, чтобы добиться общественной поддержки даже таких скромных программ социального регулирования как «борьба с инф-

ляцией» или «поддержание физической формы», правительству потребовалось использовать патриотические (т.е. военные) лозунги. Они подразумевали сохранение обороноспособности и приравнивали здоровье к военной готовности. Это не удивительно: поскольку понятие «государственности» подразумевает готовность к войне, то и «национальная» программа должна служить подобным целям.

В общем случае военная система создает основную мотивацию для первичной социальной организации. Тем самым она выражается, на социальном уровне, в воздействиях на индивидуальное человеческое поведение. Наиболее важным из них для социальных целей является индивидуальное психологическое объяснение для преданности обществу и его ценностям. Преданность требует причины; причина требует врага. Эта зависимость очевидна; при этом критическим положением является то, что враг, определяющий причину, должен казаться поистине огромным. Грубо говоря, предполагаемая мощь «врага», достаточная, чтобы гарантировать наличие индивидуального чувства преданности обществу, должна быть пропорциональна размеру и сложности общества. Разумеется, сегодня эта мощь должна быть беспрецедентно огромной и ужасной.

Из знаний о человеческом поведении ясно, что наличие у общества «врага» требует соответствующей готовности к ответным действиям, пропорциональным угрозе. В широком социальном контексте, принцип «око за око» все еще характеризует единственно приемлемое отношение к предполагаемой угрозе агрессии, несмотря на противоположные религиозные и моральные предписания, определяющие индивидуальное поведение. Отстраненность личного решения от его социального следствия в современном обществе облегчает для его членов неосознаваемую поддержку этого отношения. Недавний пример – война во Вьетнаме; несколько более ранним была бомбежка Хиросимы и Нагасаки. В обоих случаях большинство американцев оправдывало побоище политическими формулировками несмотря на его размах и беспричинность; достаточно было объявить, что жертвы были «врагами». Военная система делает такое абстрактное отношение возможным также и в невоенных контекстах. Обычный пример этого механизма – неспособность большинства людей связать, скажем, голодание миллионов людей в Индии с принятыми этими людьми осознанными политическими решениями. Для них логическая последовательность, связывающая решение об ограничении производства зерна в США с разразившимся в Азии голодом, очевидна, явна и однозначна.

Выдающаяся роль военной системы в социальной организации, как и в других областях, создается ее непревзойденной властью над жизнью и смертью. Необходимо еще раз подчеркнуть, что военная система – не просто социальное расширение предполагаемой потребности человеческого индивидуума в насилии; она позволяет рационализировать большинство невоенных убийств. Она также создает прецедент для коллективной готовности членов общества платить кровавую цену за использование социальных институтов, весьма далеких от войны. Приведем пример: «... вместо того, чтобы ограничить скорость движения двадцатью милями в час, мы предпочитаем позволять автомобилям убивать сорок тысяч

человек в год». Аналитик «Рэнд» описывает это в более общих терминах и менее возвышенно: «Я уверен, что существует в действительности желательный уровень связанных с автомобилями несчастных случаев – желательный в том смысле, что аварии являются необходимым сопутствующим обстоятельством автомобилизации, приносящей обществу много большую пользу». Суждение может показаться слишком очевидным для повторения, но оно существенно для понимания важной мотивационной функции войны как модели коллективного жертвования.

Поучителен краткий обзор некоторых исчезнувших обществ, существовавших до эпохи Модерна. Одной из самых примечательных особенностей, общих для самых больших, наиболее сложных и наиболее успешных древних цивилизаций является широко распространенное использование кровавых жертвоприношений. Если ограничить рассмотрение культурами, установившими настолько полную региональную гегемонию, что перспектива «войны» стала фактически невообразимой – как это было с некоторыми большими обществами доколумбовой Америки – то мы обнаружим, что некоторая форма ритуального убийства занимала важнейшее социальное положение в каждом из них. Ритуал неизменно наделялся мифическим или религиозным значением, как и любая религиозная или тотемическая практика; однако ритуал маскировал более широкую и более важную социальную функцию.

В этих обществах кровавые жертвоприношения служили цели поддержания остаточной «серьезной» способности и готовности общества воевать – т.е. убивать и быть убитым – в случае, если некоторые мистические – т.е. непредвиденные – обстоятельства этого потребуют. То, что эта «серьезность» не оказалась адекватной заменой подлинной военной организации, что проявилось, когда невообразимый враг, в виде испанских конкистадоров, действительно вышел на сцену, никоим образом не отрицает функцию ритуала. Он был прежде всего, если не исключительно, символическим напоминанием, что война когда-то была центральной силой организации общества, и что это состояние может вернуться.

Из этого не следует, что переход к всеобщему миру в современных обществах потребовал бы использования подобной модели, даже в менее «варварском» облике. Но историческая аналогия служит напоминанием, что жизнеспособный заменитель войны как социальной системы не может быть просто символом. Заменитель должен быть связан с риском реальной личной гибели и по масштабу должен соответствовать размерам и сложности современных социальных систем. Ключевым параметром является правдоподобие. Заменитель может иметь ритуальный или функционально-существенный характер, но если он не демонстрирует правдоподобную угрозу уровня «вопрос жизни и смерти», он не сможет выполнять социально-организующую функцию войны.

Существование принимаемой обществом внешней угрозы, таким образом, является существенным условием как для поддержания социальной связности, так и для принятия обществом политической власти. Угроза должна быть правдоподобна, должна иметь величину, соответствующую сложности общества, и должна проявляться в масштабе, затрагивающем по меньшей мере общество в целом.

## ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ:

Человек, как и все другие животные, участвует в процессе непрерывного приспособления к ограничениям окружающей среды. Но основной механизм, который он использует для этой цели, уникален среди всех живущих существ. В качестве средства противостояния неизбежным историческим циклам нехватки продовольствия постнеолитический человек уничтожает избыточных членов своего собственного вида путем организованного насилия – войны.

Этологи часто отмечают, что организованное уничтожение членов собственного вида фактически неизвестно у других животных. Специфическая склонность человека к убийству представителей своего собственного вида (свойственная в ограниченной степени также крысам) может быть объяснена его неспособностью приспособить анахронические методы выживания (подобные примитивной охоте) к развитию «цивилизации», в результате которого эти методы становятся неэффективными. Предлагались объяснения и иными причинами, вроде несообразного реагирования «территориального инстинкта» и т.п. В любом случае причина существует, и ее социальное выражение в войне представляет собой биологическое регулирование взаимоотношений с окружающей средой, специфическое для человека.

Война служила инструментом выживания человеческих сообществ. Но в качестве эволюционного механизма война почти невероятно неэффективна. С немногими исключениями, процессы естественного отбора у других живых существ способствуют как выживанию, так и генетическому усовершенствованию вида. Когда традиционное животное сталкивается с одним из периодических кризисов нехватки продовольствия, обычно гибнут «слабейшие» члены вида. Реакция животного сообщества на такой кризис может принять форму массовой миграции, в процессе которой слабые гибнут. Или она может выглядеть более драматически и более эффектно, как у сообществ леммингов, в которых более слабые члены добровольно гибнут, оставляя доступные запасы продовольствия более сильным. В любом случае выживают сильнейшие и гибнут слабые. В человеческих обществах сражаются и погибают в войнах за выживание биологически более сильные члены. Это – естественный отбор наоборот.

Регрессивное генетическое воздействие войны часто отмечается. Столь же часто о нем сожалеют, но при этом обычно путают биологические и культурные факторы. Непропорциональная потеря биологически более сильных свойственна традиционной войне. Следует подчеркнуть, что фундаментальная цель естественного отбора (если можно говорить, что он вообще имеет цель) – выживание вида, а не его усовершенствование, поскольку это – основная предпосылка данного исследования.

Но, как отмечает Gaston Bouthoul, другие институты, созданные для выполнения этой экологической функции, оказались еще менее удовлетворительными. Сюда входят такие методы, как: детоубийство, свойственное в основном архаичным и примитивным обществам; сексуальные извращения; монашество; принуди-

тельная эмиграция; расширенное применение смертной казни, как в старом Китае и Англии XVIII в.; другие подобные, обычно локальные, методы.

Способность человека увеличивать производительность в производстве предметов первой необходимости предполагает, что потребность в защите от циклического голода почти исчезла. В результате существует тенденция к уменьшению очевидной важности основной экологической функции войны, которая обычно игнорируется теоретиками мира. Но существуют два аспекта, требующие ее сохранения. Первый очевиден: существующая скорость прироста населения в сочетании с экологической угрозой химического и иного загрязнения вполне могут вызвать новый кризис нехватки продовольствия. Такой кризис будет, вероятно, беспрецедентным по глобальности, он не будет региональным или временным. В этом случае обычные методы войны почти наверняка не будут способны уменьшить численность потребляющего населения до уровня, совместимого с выживанием вида.

Второй важный фактор – эффективность современных методов массового уничтожения. Даже если их использование не потребуется для борьбы с мировым кризисом перенаселенности, они предлагают, как это ни парадоксально, первую в истории человечества возможность избежать регрессивного генетического воздействия естественного отбора войной. Ядерное оружие не избирательно. Его применение не приводит к непропорциональной гибели во время войны физически более сильных членов вида («воинов»). Возместит ли такая перспектива генетическое воздействие неблагоприятных мутаций, ожидаемых от пост-ядерной радиоактивности, мы пока не определили. Но возможно, с учетом результатов нашего исследования, такое определение все же придется сделать.

Другая вторичная экологическая тенденция, опирающаяся на предполагаемый прирост населения – регрессивный эффект некоторых медицинских достижений. Эпидемии, например, более не являются важным фактором регулирования численности населения. Проблема усугубляется увеличением продолжительности жизни. Прогресс медицины потенциально создает еще более зловещую проблему: нежелательные генетические черты, которые прежде самоликвидировались, теперь сохраняются благодаря медицинской поддержке. Многие прежде смертельные болезни теперь излечиваются; результатом этого станет увековечение нежелательных уязвимости и мутаций. Кажется ясным, что сейчас формируется новая квазиевгеническая функция войны, которую необходимо принимать во внимание в любом плане перехода к миру. В настоящее время Министерство обороны, кажется, признает эти факторы, что демонстрируется заказом корпорации Рэнд планирования нейтрализации нарушения экологического баланса, ожидаемого после термоядерной войны. Министерство, например, предполагает запастись птицами, чтобы противодействовать ожидаемому быстрому росту популяции стойких к радиации насекомых, и т.д.

#### КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ:

Объявленный порядок ценностей в современных обществах ставит на высокое место так называемые «творческие» действия, и на еще более высокое мес-



то действия, связанные с прогрессом научного знания. В широком смысле социальные ценности могут быть переведены в политические эквиваленты, которые в свою очередь могут влиять на характер перехода к миру. Отношение тех, кто создает эти ценности, должно быть принято во внимание при планировании этого перехода. Поэтому необходимо рассмотреть влияние военной системы на культурные и научные достижения, даже если бы эти достижения не были бы сами по себе неотъемлемой социальной функцией.

Из всех бесчисленных дихотомий, изобретенных учеными, чтобы объяснить основные различия в художественных стилях и периодах, только одна последовательно и однозначно применялась каждый раз к разнообразным формам и культурам. Без обиняков, основным различием считается: ориентировано или нет произведение на войну? У примитивных народов военный танец – самая важная художественная форма. Литература, музыка, живопись, скульптура и архитектура, снискавшие долговременное признание, неизменно явно или неявно имели отношение к теме войны и выражали центральное положение войны в обществе. Эта война может быть национальным конфликтом, как в пьесах Шекспира, музыке Бетховена или на картинах Гойи; она может быть отражена в форме религиозной, социальной или моральной борьбы, как в произведениях Данте, Рембрандта и Баха. Искусство, которое не характеризуется ориентацией на войну, обычно описывается как «бесплодное», «декадентское» и так далее. Применение «военного стандарта» к произведениям искусства в отдельных случаях оставляет место для дебатов, но нет никакого сомнения в его роли как фундаментальной детерминанты культурных ценностей. Эстетические и моральные стандарты имеют общее антропологическое происхождение в возвеличивании храбрости, готовность убивать и рисковать жизнью в племенной войне.

Интересно отметить, что характер культуры общества имеет близкое отношение к его военному потенциалу в контексте текущего времени. Отнюдь не случайно, что текущий «культурный взрыв» в Соединенных Штатах происходит в период, отмеченный необычно быстрым прогрессом в вооружениях. Эти отношения более широко признаны, чем это описано в литературе по данному вопросу. Например, многие художники и писатели сегодня выражают сожаление по поводу ограниченности творческих сюжетов, которая, как они полагают, возникнет в безвоенном мире, ожидающем нас вскоре. Они в настоящее время готовятся к такой возможности путем беспрецедентного экспериментирования с бессмысленными формами; их интересы в последние годы все более и более направлялись на абстрактные образцы, беспричинные эмоции, случайное счастье и несвязанные последовательности.

Отношение войны к научным исследованиям и открытиям более явно. Война – основная мотивационная сила для развития науки на всех уровнях, от абстрактно-концептуального до узко-технологического. Современное общество отмечает высокую ценность «чистой» науки, но с исторической неизбежностью все существенные открытия, сделанные об окружающем мире, были вдохновлены реальными или воображаемыми военными потребностями эпохи. Последствия открытий



действительно ушли далеко от исходных потребностей, но война всегда обеспечивала основной стимул.

Начиная с открытия железа и стали, продолжаясь через открытие законов движения и термодинамики к эпохе атомных частиц, синтетических полимеров и космических аппаратов, ни одно важное научное достижение не имело, по крайней мере косвенно, начала не в неявных требованиях вооружения. Приведем ставшие обыденными примеры: транзисторная радиоэлектроника (требования военной связи), сборочная линия (потребности периода Гражданской войны в США в огнестрельном оружии), здание со стальным каркасом (конструкция стального линейного корабля), шлюз и так далее. Типичная адаптация военного замысла к мирным целям – конструкция обычной газонокосилки; она берет начало во вращающейся косе, изобретенной Леонардо да Винчи, для размещения впереди движимой лошадью повозки, врезающейся во вражеские ряды.

Самые прямые связи могут быть найдены в медицинских технологиях. Например, гигантская «шагающая машина» и «усилитель движений тела», придуманные для военного применения на пересеченной местности, теперь позволяют ходить многим ранее прикованным к инвалидным креслам. Только одна Вьетнамская война привела к огромным усовершенствованиям процедуры ампутации, методов переливания крови и хирургических методик. Она стимулировала новое крупномасштабное исследование малярии и других типичных переносимых паразитами болезней; трудно оценить, как долго эти исследования откладывались бы в ином случае, несмотря на их огромную невоенную важность для почти половины населения мира.

#### ДРУГИЕ:

Мы решили пропустить в нашем обсуждении те невоенные функции войны, которые мы не рассматриваем как критические для программы перехода к миру. Нельзя сказать, что они незначительны, но они, как представляется, не создают никаких особых проблем для организации ориентированной на мир социальной системы. Некоторые из этих функций:

Война как средство снятия общей социальной напряженности. Это психосоциальная функция, играющая ту же самую роль в обществе, что и отпуска, праздники, оргии для индивидуумов – смягчение и перераспределение неопределяемых напряженных отношений («выпуск пара»).

Война обеспечивает необходимый периодический пересмотр стандартов социального поведения («морального климата») и является средством рассеивания общей скуки, одного из наиболее последовательно недооцениваемых и не признаваемых социальных явлений.

Война как стабилизатор межвозрастных отношений. Эта психологическая функция, выполняемая другими образцами поведения у животных, позволяет физически дряхлеющему старшему поколению поддерживать контроль над более младшими, уничтожая их представителей при необходимости.

Война как средство прояснения идеологии. Дуализм, характерный для традиционной диалектики во всех отраслях философии и устойчивых политических

отношениях, происходит от войны как опытного образца конфликта. Если бы не вторичные соображения, не требуется, выражаясь наиболее простым образом, более двух подходов к вопросу, так же, как не требуется более двух сторон в войне.

Война как основа международного понимания. До развития современных коммуникаций стратегические требования войны обеспечивали единственный существенный стимул для обогащения одной национальной культуры достижениями другой. Хотя это явление по-прежнему имеет место во многих международных отношениях, функция все более устаревает.

Мы также воздержались от расширенной характеристики тех функций, которые мы считаем широко и явно признанными. Очевидный пример – роль войны как диспетчера качества и уровня безработицы. Это более чем экономическая и политическая подфункция; ее социологические, культурные и экологические аспекты также важны. Но ни один из них не вызывает особых проблем с поиском заменителя. То же самое верно для некоторых других функций; тех, которые мы включили в наш обзор, достаточно для определения проблем.

Библиотека Конгресса, карточка каталога № 67-27553, издано в США.

## ГЛАВА 6. ЗАМЕНИТЕЛИ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ

Из предыдущих рассуждений должно быть ясно, что самый детальный и всесторонний генеральный план перехода к миру во всем мире останется академическим, если он не рассматривает прямо проблемы выполнения критических невоенных функций войны. Социальные потребности, которые они обслуживают, существенны; если исчезнет удовлетворяющая их военная система, то необходимо создание заменяющих институтов. Эти заменители должны быть «реалистическими»; это относится к их возможностям и природе, а также к осуществимости в контексте современных социальных реалий. Это – не трюизм, как может показаться; требования радикальных социальных изменений часто демонстрируют огромные различия между самым консервативным проектированием и дикими утопическими схемами.

В этой главе мы рассмотрим некоторые возможные заменители для выполнения этих функций. Только в редких случаях они уже используются для интересующих нас здесь целей, но мы не видим никакой причины для ограничения возможности их подобного применения. Мы игнорируем очевидные, или военные, функции войны; наше исследование исходит из того, что переход к миру подразумевает в абсолютной форме, что они больше не будут существовать ни в каком смысле. Мы также игнорируем некритические функции, описанные в конце предыдущей главы.

### ЭКОНОМИЧЕСКИЕ:

Экономические заменители войны должны соответствовать двум основным критериям. Они должны быть «расточительны» в обычном понимании этого слова, и они должны работать вне нормальной системы спроса-предложения. Очевидным является требование достаточности размера трат, соответствующей потребностям данного общества. Экономика, настолько развитая и сложная, как наша, требует запланированной ежегодной потери в среднем не менее 10 % национального продукта для ее эффективной стабилизации. Когда масса «маховика» неадекватна мощи, для регулирования которой он предназначен, эффект может быть пагубным, подобным неуправляемому локомотиву. Эта аналогия, хотя и сырая, особенно применима к американской экономике, как показывает история наших циклических депрессий. Все они имели место в периоды чрезвычайно неадекватных военных расходов.

Немногие конверсионные программы, косвенно признающие невоенную экономическую функцию войны (по крайней мере, до некоторой степени), имеют тенденцию предполагать, что так называемые расходы на социальное благосостояние заполняют вакуум, созданный исчезновением военных расходов. Если рассматривать социальные расходы как вариант незаконченного бизнес-проекта – когда деньги вложены, но результата пока нет – то такое предположение кажется верным. Давайте кратко рассмотрим ряд более или менее типичных программ социального обеспечения.

**ЗДОРОВЬЕ.** Решительное расширение медицинских исследований, образования и обучения персонала; строительство больниц и клиник; общая задача полного гарантированного правительством здравоохранения для всех, на уровне, соответствующем текущим достижениям медицинской технологии.

**ОБРАЗОВАНИЕ.** Эквивалент предыдущего раздела в части обучения преподавателей; строительство школ и библиотек; решительная модернизация стандартов, с общей целью создания доступного для всех достижимого образовательного эквивалента того, что теперь считают профессиональной степенью.

**ЖИЛЬЕ.** Чистое, удобное, безопасное и просторное жилье для всех, на уровне, доступном сейчас примерно 15 % населения США (меньше в большинстве других стран).

**ТРАНСПОРТ.** Создание систем массового общественного транспорта, позволяющего всем перемещаться между районами работы и отдыха быстро, комфортно, без напряжения, а также путешествовать частным образом скорее для удовольствия, чем по необходимости.

**ФИЗИЧЕСКАЯ ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА.** Защита и благоустройство водных источников, лесов, парков и других природных ресурсов; устранение химических и бактериальных загрязнителей воздуха, воды и почвы.

**БЕДНОСТЬ.** Подлинное устранение бедности, определяемой по стандартам, соответствующим текущей экономической производительности, посредством гарантируемого годового дохода или безденежной системы распределения как наилучших способов решения.

Это – только примерный список наиболее очевидных направлений развития внутреннего социального благосостояния, и мы преднамеренно сделали его широким, возможно даже экстравагантным. В прошлом такая неопределенная и честолюбиво звучащая «программа» была бы отклонена без серьезного рассмотрения; она ясно была бы оценена как слишком дорогостоящая в сравнении с результатами, за исключением политического значения. С другой стороны, она противоречит достижению поставленных нами целей. Она не способна быть экономическим заменителем войны, поскольку обходится слишком дешево.

Если это положение кажется парадоксальным, следует вспомнить, что до сих пор все предложенные расходы социального благосостояния исчислялись в пределах военной экономики, а не как средство ее замены. Значение старого лозунга о том, что линкор или межконтинентальная баллистическая ракета стоят столько же, сколько X больниц, Y школы или Z домов, очень сильно изменяется в зависимости от количества линкоров или ракет.

Поскольку список носит обобщенный характер, для предупреждения расхождений в произвольных оценках стоимости проектов мы не предлагаем никаких индивидуальных оценок стоимости. Но максимально затратная программа, которая может быть фактически реализована по обозначенным направлениям, могла бы приблизиться к имеющемуся уровню военных расходов лишь в течение ограниченного срока – по нашему мнению, сформировавшемуся в результате детального анализа стоимости и объема работ, менее чем в течение десяти лет. На время

этого короткого периода, по нашим прикидкам, главные цели программы были бы достигнуты. Но после окончания его инвестиционной стадии установится постоянный сравнительно скромный уровень ежегодных эксплуатационных расходов в пределах структуры общей экономики.

Это – основной недостаток программ социального благосостояния как заменителя. В краткосрочной перспективе максимально затратная программа такого рода могла бы заменить обычную программу военных расходов, если она могла бы, подобно военной модели, подчиняться произвольному управлению. Например, если бы строительство жилья или развитие современных медицинских центров могли бы ускоряться или приостанавливаться время от времени, в соответствии с требованиями устойчивости экономики. Но в долгосрочной перспективе расходы на социального благосостояния, независимо от того как часто их размер пересматривается, обязательно станут составной частью экономики, тем самым представляя не больше ценности в качестве стабилизатора, чем автомобильная промышленность, пенсионное страхование или страхование жизни. Независимо от того, что любые программы социального благосостояния дают по своей природе, их функция как заменителя войны в экономике самоликвидируется. Они могут, однако, служить временным решением на время создания более долговременных методов замены.

Был предложен другой экономический заменитель – ряд гигантских программ «космических исследований». Они уже продемонстрировали свою полезность в более скромном масштабе в пределах военной экономики. Здесь подразумевается, хотя и не выражено явно, развитие последовательности долговременных проектов по исследованию космического пространства с неопределенными, в значительной степени, целями. Этот вид программ дает некоторые преимущества, отсутствующие в модели развития социального благосостояния. Во-первых, этот вид исследований неисчерпаем; независимо от развития науки нас всегда будут ждать «новые открытия»: вселенная слишком велика. В случае неожиданного успеха некоторого отдельного проекта нет никакого недостатка в его заменителях. Например, в случае успешной колонизации Луны может стать «необходимым» создание плацдарма на Марсе или Юпитере, и так далее. Во вторых, такие проекты не более зависят от общей экономики спроса-предложения, чем военные расходы. В-третьих, они чрезвычайно хорошо поддаются произвольному управлению.

Космические исследования могут рассматриваться как самый близкий современный эквивалент строительства пирамид и подобных предприятий ритуального характера в древних обществах. Верно, что научная ценность космической программы, даже того, что уже было достигнуто, является существенной в ее собственных определениях. Но текущие программы очевидно и нелепо непропорциональны по соотношению ожидаемых знаний и совершаемых расходов. Весь космический бюджет, кроме небольшой его части, взвешенный по критерию сопоставимости научных целей с затратами, можно отнести фактически к военной экономике. Будущие космические исследования, предполагаемые в качестве заменителя войны, вызовут дальнейшие исследования, проектируемые как заменитель

войны, и будут уменьшать «научное» обоснование своего бюджета до крохотной величины. Поэтому расширение космической программы в качестве простого экономического заменителя войны является серьезным предложением.

В главе 3 мы указали, что некоторые модели разоружения, которые мы называли консервативными, предполагают создание чрезвычайно дорогих и сложных инспекционных систем. Возможно ли утвердить и расширить такие системы до такой величины, что они смогут служить экономическими заменителями военных расходов? Организация отказоустойчивых инспекционных процедур вполне может стать ритуалом в манере, подобной ритуализации военных процессов. «Инспекционные команды» могут быть вполне подобны вооружениям. Раздувание инспекционного бюджета до военных масштабов не представляет никакой трудности. Привлекательность такого вида схем состоит в сравнительной непринужденности перехода между двумя параллельными системами.

Концепция «сложного инспекционного заменителя», однако, содержит фундаментальную ошибку. Хотя он мог бы быть экономически полезен, так же как политически необходим, в самом процессе разоружения, он будет неудачен в качестве заменителя экономической функции войны по одной простой причине. Инспекции в целях поддержания мира – часть военной, а не мирной системы. Они подразумевают возможность наличия или изготовления оружия, которая по определению не может существовать в мирном мире. Всеобщая инспекция также подразумевает санкции, тем самым предполагая военную готовность.

Та же самая ошибка более очевидна в планах создания принципиально бесполезного аппарата «перехода к обороне». Один из примеров такого плана – долговременная программа тотального строительства сооружений гражданской обороны, другая – план создания гигантского ракетного комплекса противоракетной обороны (Nike-X и другие). Эти программы, конечно, являются скорее экономическими, чем стратегическими. Однако они являются не заменителями военных расходов, а всего лишь одной из их форм.

Более сложный вариант – предложение основать «Невооруженные силы» Соединенных Штатов. Они сохранили бы в целости существующую военную структуру, перенацеливая ее по существу на действия по развитию социального благосостояния в глобальном масштабе. Получится в действительности гигантский военизированный «Корпус Мира». В этом плане нет ничего принципиально неосуществимого, и использование существующей системы вооруженных сил для ее собственного развала является и изобретательным, и удобным. Но даже на очень расширенном всемирном базисе расходы на социальное благосостояние должны рано или поздно вновь войти в структуру нормальной экономики. Практические достоинства такой схемы в переходный период будут в конечном счете перечеркнуты ее несоответствием роли постоянного экономического стабилизатора.

#### ПОЛИТИЧЕСКИЕ:

Военная система делает возможной устойчивость правительства. Для этого она обеспечивает внешнюю потребность общества в принятии политического управления. Делая это, она устанавливает основания для статуса государствен-

ности и власти правительства, позволяющей управлять гражданами. Какие другие институты или комбинации программ могли бы выполнять эти функции вместо военной системы?

Мы уже указывали, что конец «войны» означает конец национального суверенитета и тем самым конец статуса государственности, каким мы знаем его сегодня. Но это не обязательно означает конец наций в административном смысле, и внутренняя политическая власть останется основой устойчивости общества. «Нации» мирной эпохи должны продолжать получать из некоторого источника обоснование политической власти.

Было сформулировано множество предложений по управлению отношениями между нациями после полного разоружения; все они носят в основном юридический характер. Они рассматривают учреждения более или менее подобные Мировому Суду или Организации Объединенных Наций, но наделяемые реальной властью. Мы не будем обсуждать здесь, могут или не могут они выполнять свою очевидную пост-военную роль – разрешение международных споров. Никто не предложил инструмента эффективного внешнего давления на мирную мировую нацию, обеспечивающего ее политическую организацию.

Существует аргумент, что хорошо вооруженная международная полиция, действующая под властью наднационального «суда», вполне может выполнять функции внешнего врага. Такое решение, однако, представляет собой военное действие, подобно упомянутым инспекционным схемам, и, подобно им, находится в противоречии с предпосылкой исчезновения военной системы. Возможно, что вариант идеи «Невооруженных Сил» мог бы быть реализован таким способом, что его «конструктивные» (т.е. направленные на социальное благосостояние) действия в сочетании с экономической «угрозой» достаточного размера и вероятности обеспечивали политическую организацию. Будет ли такой вид угрозы противоречить нашей основной предпосылке? То есть, будет ли противодействие этой угрозе неизбежно носить военный характер? По нашему мнению, не обязательно; но мы сомневаемся в ее способности считаться достаточно правдоподобной и очевидной. Кроме того, очевидный эффект дестабилизации, производимый любым глобальным заменителем в сфере социального благосостояния на политически необходимые классовые отношения, создает совершенно новый набор проблем перехода, по меньшей мере равных по величине.

Доверие, в сущности, находится в основе проблемы создания политического заменителя войны. Именно в этом вопросе предложения космической гонки, так хорошо удовлетворяющие условиям экономического заменителя войны, оказываются несостоятельными. Самый честлюбивый и нереалистичный космический проект не может сам по себе создать правдоподобную внешнюю угрозу. Когда-то сгоряча утверждалось, что такая угроза предложит «последнюю и наилучшую надежду на установление мира», и т.д., объединив человечество перед опасностью уничтожения «сущностями» с других планет или из космоса. Проводились эксперименты с целью проверить правдоподобность угрозы вторжения «из иного мира»; возможно, что некоторые из наиболее труднообъяснимых случаев с «летающими



тарелками» в последние годы были ранними экспериментами такого типа. Если это так, то их результаты обескураживают. Мы не ожидаем никаких трудностей в создании «потребности» в гигантской космической программе для экономических целей, даже при отсутствии достаточного обоснования; но распространение ее действия на политические задачи требует включения элементов, связанных, к сожалению, с научной фантастикой; очевидна сомнительность такого действия.

Тем не менее, эффективный политический заменитель войны требует наличия «альтернативных угроз», некоторые из которых могли бы показаться искусственными в контексте имеющейся военной системы. Возможно, например, что сильное загрязнение окружающей среды в конечном счете способно заменить массовые разрушения ядерным оружием в роли основной очевидной угрозы выживанию вида. Отравление воздуха, а также основных источников воды и продовольствия, уже изрядно распространенное, на первый взгляд выглядит многообещающим для нашей задачи; оно представляет угрозу, с которой можно совладать только с помощью социальной организации и политической власти. Но по существующим показателям пройдет от одного до полутора поколений, прежде чем экологическое загрязнение, вполне серьезное, станет достаточно угрожающим в глобальном масштабе, чтобы создать возможное основание для решения нашей проблемы.

Конечно, степень загрязнения может быть для этой цели избирательно увеличена; фактически, простое изменение существующих программ для сдерживания загрязнений могло бы достаточно ускорить процесс, чтобы делать угрозу правдоподобной намного быстрее. Но проблема загрязнения была так широко освещена в последние годы, что кажется крайне маловероятным, чтобы программа преднамеренного загрязнения окружающей среды могла бы быть осуществлена в политически приемлемой манере.

Однако необходимо подчеркнуть, что какие-либо из упомянутых «альтернативных угроз» вряд ли смогут оказаться достаточно правдоподобными и масштабными, чтобы переход к миру мог бы произойти без социального распада. Более вероятно, по нашему мнению, что такая угроза скорее будет вновь изобретена, а не развита из известных вариантов. По этой причине мы полагаемся на дальнейшие предположения о ее возможном характере, вместо того чтобы предлагать непродуманные решения. Поскольку мы серьезно сомневаемся, что какой-либо жизнеспособный политический заменитель может быть изобретен, мы отказываемся идти на компромисс в форме преждевременного обсуждения возможных вариантов выбора, который может в конечном счете предстоять нашему правительству.

#### СОЦИАЛЬНЫЕ:

Из многих функций войны, которые мы нашли удобным объединить в этой группе, две являются критическими. В мирном мире сохранение стабильности общества будет требовать наличия: 1) эффективного заменителя военных институтов, которые могут нейтрализовать дестабилизирующие социальные элементы и 2) правдоподобный мотивационный заменитель войны, который может поддерживать социальную связность. Первый – существенный элемент социального



управления; второй – основной механизм приспособления индивидуальных человеческих побуждений к потребностям общества.

Большинство предложений по решению послевоенной проблемы управления социально отчужденными людьми обращаются, явно или неявно, к некоторому варианту «Корпуса Мира» или так называемого «Рабочего Корпуса». Несоциализированные, экономически неприспособленные, в психологическом отношении некоммуникабельные ужасные «преступники», неисправимые «разрушители» и остальные не вписывающиеся в общество рассматриваются в качестве так или иначе перевоспитываемых дисциплиной в службах, созданных по военным образцам, более или менее посвященных социальному служению. Эти же характеристики свойственны плану создания «Невооруженных Сил».

Министр Макнамара сформулировал проблему языком популярной социологии: «Даже в нашем изобильном обществе мы имеем достаточно причин, чтобы волноваться по поводу напряженных отношений, которые накапливаются и развиваются среди неимущих молодых людей и рано или поздно выражаются в правонарушениях и преступлениях. Должны ли мы ждать..., пока повышающаяся нестабильность в конце концов выльется во вспышку насилия и экстремизма?». Далее, внешне без связи со сказанным, он продолжает: «Мне кажется, что мы могли бы двигаться к исправлению несправедливости [избирательного военного призыва], предлагая каждому молодому человеку в Соединенных Штатах отдать два года службе своей стране – в одной из военных служб, в Корпусе Мира, или в каком-либо ином связанном с развитием учреждении, внутри страны или за границей. Мы можем поощрить другие страны делать то же самое». Здесь, как и в других местах этой содержательной речи, Макнамара сосредоточился, косвенно, но безошибочно, на одном из ключевых вопросов, возникающих при возможном переходе к миру, и указал, также косвенно, грубый подход к его решению, выраженный в терминологии существующей военной системы.

Достаточно ясно, что Макнамара и другие сторонники заменителя функций войны в виде «Корпуса Мира» основываются на успехе военизированных программ времен Депрессии, упомянутых в предыдущей главе. Мы же находим этот прецедент совершенно неадекватным по масштабу. Однако ни отсутствие адекватного прецедента, ни сомнительность общей направленности на социальное благосостояние, характеризующей этот подход, не позволяют отвергнуть его без тщательного изучения. Подход может быть жизнеспособным – при соблюдении некоторых условий. Во-первых, заимствованная у военных институтов организация Корпуса должна быть эффективно адаптирована к его деятельности. Во-вторых, переход от псевдо-военных (вполне очевидных) действий к действиям, «связанным с развитием», должен произойти безотносительно к мнениям персонала Корпуса, или к «ценности» работы, которую, как ожидается, он будет выполнять.

Другой возможный заменитель для управления поведением потенциальных «врагов» общества – введение, в некоторой форме, совместимой с современными технологическими и политическими процессами, института рабства. До сих пор такое предложение существовало только в фантастике, особенно в произ-

ведениях Уэллса, Хаксли, Оруэлла и других, образно описывающих социальные реалии будущего. Но фантастические общества, спрогнозированные в «Дивном новом мире» и «1984», кажутся все менее и менее неправдоподобными с течением лет, начиная с их публикации. Традиционная ассоциация рабства с древними до-индустриальными культурами, так же как и ее традиционная несовместимость с западными моральными и экономическими ценностями, не должны мешать нам рассмотреть вопрос о возможности его адаптации к современным формам социальной организации. Вполне возможно, что развитие усложненной формы рабства может быть необходимой предпосылкой для социального управления в мирном мире. С практической точки зрения трансформация кодекса военной дисциплины в некоторую форму замаскированного рабства влечет за собой удивительно немного изменений; логичным первым шагом было бы принятие некоторой формы «универсальной» военной службы.

Когда доходит до постулирования возможного заменителя войны, способного направлять поведение человека в сторону социальной организации, предлагается немного вариантов. Подобно политической функции, мотивационная функция войны требует существования правдоподобного угрожающего обществу врага. Основное различие состоит в том, что для целей мотивирования преданности обществу, в отличие от цели принятия политической власти, «альтернативный враг» должен подразумевать более явную, весомую и непосредственно ощущаемую угрозу гибели. Она должна оправдать потребность брать и платить «кровавую цену» в обширных областях человеческой деятельности.

В этом отношении ранее намеченные возможные враги явно недостаточны. Единственным исключением является модель экологического загрязнения, если бы предполагаемая ей опасность для общества была правдоподобной и неизбежной. Вымышленные модели должны создавать экстраординарную убежденность, подчеркивающую незначительность фактического жертвования жизнью; создание для этой цели современной мифологической или религиозной структуры представляется трудным в наше время, но все же должно быть рассмотрено.

Теоретики игр предложили, в других контекстах, развитие «кровавых игр» для эффективного регулирования индивидуальных агрессивных импульсов. Довольно иронически подчеркивает сегодняшнее состояние исследований вопросов войны и мира тот факт, что не ученые, а изготовители коммерческих фильмов рассматривают такую модель выплеска агрессивности, на неправдоподобном уровне популярной мелодрамы, как ритуальную охоту на человека. Говоря реалистично, такой ритуал мог бы быть социализирован в испанской манере. Инквизиция и менее формальные суды над ведьмами в некоторые времена для целей «социальной очистки», «обеспечения безопасности», дают вполне приемлемое обоснование, подходящее к пост-военным обществам. Применение такой обновленной версии иных древних институций, хотя и сомнительных, гораздо менее причудливо, чем наивная вера многих планировщиков мира в то, что длительное состояние мира может быть создано без чрезвычайно кропотливого рассмотрения всех возможных заменителей для выполнения существенных функций войны. В некотором

смысле такое рассмотрение является поисками «морального эквивалента войны», описанного Уильямом Джеймсом.

Вполне возможно, что две функции, рассматриваемые под этим заголовком, могут выполняться совместно, в том смысле, что антиобщественные элементы, для контроля над которыми необходимо учреждение неких институтов, могут исполнять роль «альтернативного врага», перед лицом которого должно сплотиться общество. Постоянное и необратимое расширение невозможности трудоустройства на всех уровнях общества, также как и расширение, в общем смысле, отчуждения от принятых ценностей могут сделать некоторую подобную программу необходимой даже в качестве дополнения к военной системе. Как и прежде, мы не будем сосредоточиваться на определенных формах, в которых могут воплотиться программы такого типа; но обратим внимание, что существуют вполне подходящие прецеденты, в виде третирования нелюбимых, предположительно угрожающих, этнических и иных групп в некоторых обществах в течение некоторых исторических периодов.

#### ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ:

С учетом недостатков войны как механизма генетического отбора населения может показаться, что изобретение заменителей этой функции должно быть сравнительно легким делом. При схематичном подходе это действительно так, но проблема выбора времени для перехода к новому механизму обеспечения экологического баланса делает осуществимость подобной замены менее очевидной.

Нужно помнить, что война ограничена в выполнении этой функции исключительно с евгенических позиций. Война не прогрессивна только с позиций генетики. Но в отношении функции войны как системы грубого регулирования численности населения с целью сохранения вида это замечание не может быть справедливым. И, как было указано, характер войны сам по себе изменяется. Текущие тенденции в войне – расширение стратегических бомбардировок мирного населения и повышение военной важности инфраструктуры, в том числе «гражданской» (в противоположность «чисто военным» сооружениям и персоналу) – настоятельно указывает, что в действительности происходит качественное усовершенствование войны как системы. Качественное изменение военной системы продолжается; и более чем вероятно, что направленность войны на регрессивный отбор будет полностью изменена, поскольку состав ее жертв становится более генетически репрезентативным для обществ.

Нет никакого сомнения в том, что с позиций универсальных требований воспроизводства населения искусственное оплодотворение обеспечило бы полностью адекватный контроль восстановления для различных уровней населения. Конечно, такая репродуктивная система имела бы дополнительное преимущество восприимчивости к прямому евгеническому управлению. Его предсказуемое дальнейшее развитие – оплодотворение и эмбриональный рост, происходящие полностью в лабораторных условиях – логически завершается расширением этого контроля. Экологическая функция войны при этих обстоятельствах была бы не только заменена, но и превзойдена в эффективности.

Необходимый промежуточный шаг – полный контроль над оплодотворением с вариантами вездесущей «пилюли», распространяемой через водоснабжение или некоторые существенные пищевые продукты, нейтрализуемой избирательно выдаваемым «противоядием» – уже разрабатывается. Может оказаться, что нет никакой представимой потребности в возврате к любому из устаревших методов, упомянутых в предыдущей главе (детоубийство и т.д.), что, видимо, было бы необходимым, если бы возможность перехода к миру возникла два поколения назад.

Реальным вопросом, таким образом, является не жизнеспособность подобного заменителя войны, а политические проблемы, создаваемые его созданием. Он не может быть создан, пока действует военная система. Причина для этого проста: дополнительное население является материалом войны. Пока общество вынуждено считаться с пусть даже отдаленной возможностью войны, оно должно поддерживать возможный максимум населения, даже если численность населения критически ухудшает экономическое состояние. Это парадоксально, в свете роли войны как механизма сокращения избыточного населения, но в то время вполне понятно. Война регулирует общую численность населения, но экологический интерес любого отдельно взятого сообщества состоит в поддержании его гегемонии по отношению к другим сообществам. Очевидная аналогия может быть отмечена в любой экономике свободного предпринимательства. Практики, разрушающие общество в целом – как чрезмерно состязательные, так и монополистические – поддерживаются конфликтующими экономическими действиями, создаваемыми индивидуальными капиталистическими интересами. Очевидный прецедент может быть найден в кажущихся иррациональными политических трудностях, которые демонизируют общее принятие простых методов ограничения рождаемости. Нации, отчаянно нуждающиеся в улучшении неблагоприятного соотношения потребления/производства, тем не менее не желают снижать свои всевозможные военные потребности в течение уже двадцати лет, вполне достаточных для этого. Односторонний контроль численности населения, осуществлявшийся в древней Японии и в других изолированных обществах, не подлежит даже обсуждению в сегодняшнем мире.

Так как евгеническое решение не может быть получено, пока не совершился переход к мирной системе, то почему бы не подождать? Мы склонны к такому решению, поскольку, как отмечено ранее, сегодня существует реальная возможность беспрецедентного глобального кризиса нехватки продовольствия, который военная система может оказаться не в состоянии предупредить. Если он произойдет раньше, чем согласованный переход к миру будет завершен, результат может быть необратимо бедственным. Ясно, что эта дилемма не имеет никакого решения; это – риск, на который придется пойти. Но из такого ожидания следует, что если решение об устранении военной системы все же будет принято, то лучше, если это произойдет раньше, чем позже.

#### КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ:

Строго говоря, функция войны как детерминанта культурных ценностей и как главного двигателя научного прогресса не может быть критической для мира без

войны. Нашим критерием для основных невоенных функций войны было: действительно ли они необходимы для выживания и стабильности общества? Абсолютная потребность в заместителе культурно-ценностных детерминант и в длительном прогрессе научного знания не установлена. Мы верим, что они важны, но лишь в понимании тех, для кого эти функции имеют субъективное значение. Хотелось бы знать, чего они могут рационально ожидать в культуре и науке после перехода к миру.

Что касается творческих искусств, нет никакой причины полагать, что они исчезли бы, но они изменятся по характеру и относительной социальной важности. Устранение войны неизбежно лишило бы их основной движущей силы, но сам переход обязательно займет некоторое время, и, возможно, для поколения после него темы социо-морального конфликта, вызванного военной системой, все более и более замещались бы идиомой личной чувственности. В это же время, возможно, придется создавать новую эстетику. Независимо от названий, форм или объяснений, ей придется выразить на языке, соответствующем новому периоду, когда-то выраженную дискредитированную философией мысль, что искусство существует для своей собственной пользы. Эта эстетика отклонит не обсуждаемое ныне классическое требование придания военизированному конфликту роли сущностного содержания великого произведения искусства. Конечным эффектом философии искусства мирного мира будет демократизация в крайней степени, в том смысле, что признаваемая субъективность художественных стандартов уравнивает их новую, бессодержательную «ценность».

Можно ожидать, что искусству будет вновь назначена роль, которую оно когда-то играло в нескольких примитивных ориентированных на мир социальных системах. Оно выполняло функции чистого художественного оформления, развлечения или игры, полностью свободных от бремени выражения социо-моральных ценностей и конфликтов ориентированного на войну общества. Интересно, что основа для такой бесценностной эстетики закладывается уже сегодня, в растущем экспериментировании с искусством без содержания, происходящем, возможно, в ожидании мира без конфликта. Развился культ вокруг нового вида культурного детерминизма, предполагающего, что скорее технологическая форма культурного выражения, чем его якобы значащее содержание, определяет его ценность. Это явственно подразумевает, что нет «хорошего» или «плохого» искусства; есть только искусство, соответствующее своему (технологическому) времени, и не соответствующее. Его культурный эффект состоит в развитии описаний обстоятельств и нерациональной экспрессии; он отрицает уместность в искусстве последовательной логики. Его значение в нашем контексте состоит в том, что он создает рабочую модель культуры без ценностей, развитие которой мы могли бы разумно предполагать в мирном мире.

Что касается науки, на первый взгляд может показаться, что гигантская программа космического исследования, наиболее многообещающий из предложенных экономических заместителей войны, могла бы также служить и основным стимулятором научных исследований. Отсутствие фундаментального организованного

социального конфликта, свойственное космической деятельности, исключило бы, однако, ее в качестве адекватного мотивационного заменителя войны в применении к «чистой» науке. Но нет сомнения в том, что космический заменитель войны создаст широкий диапазон технологической деятельности. Также и рассмотренная программа развития социального благосостояния может обеспечить сопоставимый стимул для некоторого технологического прогресса, особенно в медицине, усовершенствовании методов строительства, образовательной психологии и т.д. Евгенический заменитель экологической функции войны также потребует продолжения исследований в некоторых областях наук о жизни.

Помимо этих частных заменителей войны, нужно иметь в виду, что импульс, данный научному прогрессу большими войнами последнего столетия, и даже более ожиданием третьей мировой войны, интеллектуально и материально огромен. Мы обнаружили, что даже при немедленном исчезновении военной системы величина этого импульса настолько велика, что можно ожидать развития научного знания без значимого замедления в течение, возможно, двух десятилетий. Оно будет продолжаться, в постоянно снижающемся темпе, по крайней мере, еще в течение двух десятилетий, прежде чем истощится набор сегодняшних нерешенных проблем. По стандартам вопросов, которые мы учились задавать сегодня, нет ничего более ценного, чем все еще неизвестные знания; мы по определению не можем придумать научный вопрос, на который, по нашему мнению, невозможно ответить.

Это неизбежно ведет к другому суждению: о самоценности неограниченного поиска знания. Мы, разумеется, не предлагаем здесь никаких независимых ценностных суждений, но уместным будет указать, что лишь небольшая часть научного сообщества считает, что научный поиск ограничен по своей сути. Это мнение – самостоятельный фактор в рассмотрении потребности в заменителе для выполнения научной функции войны. Для полноты отчета мы должны также принять во внимание, что в течение длительных периодов человеческой истории, часто охватывающих тысячи лет, научный прогресс не считался социальной ценностью; тем не менее, устойчивые общества выживали и процветали. Хотя такое положение, видимо, невозможно в современном индустриальном мире, мы не можем быть уверенными, что оно не может снова стать верным в будущем мирном мире.

## ГЛАВА 7. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ

### ПРИРОДА ВОЙНЫ:

Война не является, как это широко признается, прежде всего инструментом политики, используемым нациями, чтобы распространять или защищать свои политические ценности или экономические интересы. Напротив, она сама по себе является самостоятельным базисом организации, на котором созданы все современные общества. Обычно очевидной причиной войны считается пересечение интересов двух или более наций. Но в корне всех очевидных различий национальных интересов лежат динамические требования военной системы, самостоятельно создающей периодические вооруженные конфликты. Готовность к войне характеризует современные социальные системы более широко, чем их экономическая и политическая организация, как это принято считать.

Экономические исследования ожидаемых проблем перехода к миру не учитывают ведущую роль войны в построении социальных систем. То же самое, с редкими и частичными исключениями, верно для «сценариев» или моделей разоружения. По этой причине ценность предшествующих работ ограничивается механическими аспектами перехода к миру. Некоторые фрагменты этих моделей, возможно, и могут быть применены к реальной ситуации перехода к всеобщему миру; это зависит скорее от их совместимости с сущностным, чем с процедурным, планом мирного урегулирования. Такой план может быть создан только при наличии полного понимания природы военной системы, которую он предлагает отменить, что в свою очередь предполагает детальное понимание функций, исполняемых для общества военной системой. План перехода к миру будет требовать создания детально проработанной и реалистичной системы заменителей для выполнения функций войны, необходимых для стабильности и выживания человеческих обществ.

### ФУНКЦИИ ВОЙНЫ:

Видимая, военная, функция войны не требует никакого разъяснения; она не только является очевидной, но также не соответствует переходу к состоянию мира, в котором она будет по определению лишней. Но существуют весьма социально значимые невоенные функции войны; эти критические для перехода к миру функции могут быть разделены на пять основных групп.

1. **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ:** Война обеспечивала и продолжает обеспечивать как древним, так и современным обществам надежную систему стабилизации управления экономикой. Пока не предложен (и не проверен) ни один альтернативный метод управления сложной современной экономикой, хотя бы отдаленно сопоставимый по возможностям или эффективности.

2. **ПОЛИТИЧЕСКИЕ:** Постоянная угроза войны – основа устойчивости правительства; она создает основание для общего принятия политической власти. Война позволяет обществам поддерживать необходимые классовые различия; она определяет подчинение гражданина государству путем реализации остаточных военных полномочий, заложенных в концепции статуса государственности. Ни



одна современная правящая политическая группа не может успешно сохранять власть в случае неспособности поддерживать правдоподобную видимость внешней угрозы войны.

**3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ:** Война посредством военных институтов на протяжении всей известной истории служит уникальным и необходимым регулятором опасных социальных разногласий и разрушительных антиобщественных тенденций. Она играет две одинаково важных социальных роли: демонстрирует наибольшую из угроз самой жизни и создает единственную причину для социальной организации; военная система обеспечивает механизмы, ориентирующие мотивации человеческого поведения в направлении закрепления социальной преданности. Таким образом, она обеспечивает необходимую для жизнеспособности нации степень социального единства. В современных обществах нет никакого иного института, или группы институтов, успешно выполняющих эти функции.

**4. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ:** Война была основным эволюционным устройством для поддержания удовлетворительного экологического баланса между численностью человеческого населения и наличием достаточного для его выживания количества продовольствия. Это уникальный, свойственный исключительно человеку, способ обеспечения такого баланса.

**5. КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ:** Военная ориентация определяет основные ценностные стандарты в искусстве и обеспечивает основной мотивационный источник научного и технологического прогресса. Представления о том, что искусство является самоценным независимо от своей формы и что развитие знания само по себе является социальной ценностью, лишь недавно сформировались в современных обществах; на протяжении всей истории развитие искусства и науки было лишь средством развития вооружения.

#### **ЗАМЕНИТЕЛИ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ: КРИТЕРИИ:**

Описанные выше функции войны существенны для выживания известных нам социальных систем. С двумя возможными исключениями, они также необходимы для любого вида устойчивой социальной организации, которая могла бы выжить в безвоенном мире. Обсуждение путей и средств перехода к такому миру бессмысленно, если институты замены для выполнения этих функций: а) не могут быть созданы; и б) прекращение или частичное прекращение выполнения любой из функций не должно нарушить жизнеспособность будущих обществ.

Такие гипотетические институты замены должны соответствовать ряду критериев. В целом они должны быть технически выполнимы, политически приемлемы, и потенциально правдоподобны для принимающих их членов обществ. В специфических группах они должны характеризоваться следующим образом:

**1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ:** приемлемый экономический заменитель для военной системы должен обеспечивать расход ресурсов на полностью непроизводительные цели в размерах, сопоставимых с размером военных расходов, или, иначе говоря, соответствующих размеру и сложности каждого общества. Такая система-заменитель очевидной «траты» ресурсов должна иметь характер, позволяющий



ей оставаться независимой от нормальной экономики спроса-предложения; она должна допускать произвольное политическое управление.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ: жизнеспособный политический заменитель войны должен представлять обобщенную внешнюю угрозу каждому обществу, по своей природе и величине достаточную, чтобы требовать организации и принятия политической власти.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ: Во-первых, при постоянном отсутствии военных институтов, должны быть созданы новые, позволяющие эффективно контролировать разрушительные элементы обществ. Во вторых, чтобы приспособить физическую и психологическую динамику человеческого поведения к потребностям социальной организации, возможный заменитель войны должен создавать всеобъемлющую и правдоподобную (с готовностью принимаемую) опасность личной гибели. Эта опасность должна иметь природу и уровень, достаточные для обеспечения приверженности социальным ценностям до уровня, превышающего ценность индивидуальной человеческой жизни.

4. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ: заменитель войны в ее функции уникальной, свойственной лишь человеку, системы управления динамикой численности населения должен гарантировать выживание и усовершенствование (не обязательно) вида, в смысле его взаимодействия со средой обитания.

5. КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ: заменитель для выполнения функции войны как определителя культурных ценностей должен создавать основу социо-морального конфликта не меньшей, чем война, силы и ширины. Заменитель мотивационного основания для поисков научного знания должен обеспечивать сопоставимое с войной чувство внутренней потребности.

#### ЗАМЕНИТЕЛИ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ: МОДЕЛИ:

Был предложен к рассмотрению в качестве заменителей для выполнения невоенных функций войны ряд институтов (здесь перечислены не все). Тот факт, что они, возможно, изначально создавались для иных целей, не устраняет (или не делает некорректным) их возможное применение для наших целей.

##### 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ:

a) Всесторонняя программа социального обеспечения, направленная на максимальное усовершенствование общих условий человеческой жизни.

b) Гигантские программы космических исследований, не имеющие логического завершения, нацеленные на недостижимые цели.

c) Постоянно действующие, ритуализованные, сверх-детально проработанные процедуры контроля за разоружением, во множестве вариантов.

##### 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ:

a) Вездесущая, фактически всемогущая международная полиция.

b) Установленная и признанная внеземная угроза.

c) Массивное глобальное экологическое загрязнение.

d) Фиктивные альтернативные враги.

### 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ:

#### ФУНКЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ:

- a) Программы, схожие с моделью Корпуса Мира.
- b) Осовремененная, усложненная форма рабства.

#### МОТИВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ:

- a) Усиленное экологическое загрязнение.
- b) Новые религии или другая мифология.
- c) Социально ориентированные кровавые игрыща.
- d) Комбинации предложенного.

### 4. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ:

Всесторонняя программа прикладной евгеники.

### 5. КУЛЬТУРНЫЕ:

Никакого заменяющего института не найдено.

#### НАУЧНЫЕ:

Вторичные требования космических исследований, программ социального благосостояния и / или евгенических программ.

#### ЗАМЕНИТЕЛИ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКА:

Вышеупомянутые модели отражают только первичные результаты поиска институтов-заменителей для выполнения функций войны, а не полный список вариантов. Поэтому было бы преждевременным и самонадеянным предлагать окончательные суждения об их применимости для процесса перехода к миру и последующего социального устройства. Более того, необходимо сложное исследование взаимовлияния предложенных заменителей для различных функций при их совместной реализации; в настоящее время такое исследование возможно лишь в умозрительном варианте, поэтому мы отказались от рассмотрения гипотетических корреляций как статистически неадекватных.

Тем не менее, некоторые предварительные и поверхностные комментарии относительно предложенных функциональных «решений» укажут на возможные трудности, связанные с этой областью планирования перехода к миру.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ:** Действие модели развития социального благосостояния не может оставаться вне нормальной экономики после окончания ее предварительной инвестиционной стадии; ее ценность, таким образом, носит лишь временный характер. Заменитель в форме программ космических исследований, похоже, удовлетворяет главным критериям; необходимо более детальное его изучение, особенно в области его вероятного воздействия на выполнение других функций войны. «Разработка инспекционных схем» на первый взгляд кажется привлекательной, но противоречит основной предпосылке – перехода к всеобщему миру. Вариант «невооруженных сил», и другие подобные ему, имеют все недостатки, свойственные общей модели социального благосостояния.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ:** Как и в случае с заменителем в виде инспекционных схем, предложения о создании полномочной международной полиции неотъемлемо несовместимо с прекращением существования военной системы. Варианту с «невооруженными силами», дополненному включением экономических санкций

неограниченного размера, недостает наличия правдоподобной внешней угрозы. Представление об угрозе «из космоса», возможно в соединении с заменителем в форме космических исследований для стабилизации управления в экономике, неперспективно с точки зрения правдоподобия. Модель с экологическим загрязнением не поддается в достаточной степени непосредственному управлению; исключения представляют варианты с произвольным ускорением текущих тенденций загрязнения, но при этом возникают вопросы политической приемлемости. Новые менее разрушительные подходы к созданию фиктивных глобальных «врагов» требуют дальнейшего исследования.

#### СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ:

##### ФУНКЦИЯ КОНТРОЛЯ:

Хотя различные заменители для этой функции, созданные на основе модели Корпуса Мира, кажутся весьма неадекватными по своим потенциальным возможностям, они не должны быть исключены без дальнейшего изучения. Рабство, в технологически осовремененной и концептуально замаскированной форме, может оказаться наиболее эффективным и гибким институтом для выполнения этой функции.

##### МОТИВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ:

Хотя ни один из предложенных заменителей войны как гаранта социальной преданности не может быть сброшен со счетов, каждый из них создает серьезные специфические трудности. Интенсификация экологической угрозы может привести к реальному возрастанию экологической опасности; отделенное от войны мифотворчество не представляется политически выполнимым; достаточно функциональные кровавые игрища и ритуалы гораздо проще придумать, чем реализовать. Институты, объединяющие эту функцию с предыдущей, основанные на прецеденте организованных этнических репрессий (но не обязательно копирующие их), требуют тщательного изучения.

#### ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ:

Единственная очевидная проблема в применении адекватного евгенического заменителя войны – это проблема времени замены. Реализация этой программы не может быть начата, пока не завершён переход миру; эта ситуация создает серьезный риск экологической катастрофы.

#### КУЛЬТУРНЫЕ:

Не было найдено никакого реализуемого заменителя для выполнения этой функции войны. Впрочем, вполне возможно, что базисный культурный ценностный детерминант не необходим для выживания и устойчивости общества.

#### НАУЧНЫЕ:

То же самое можно сказать о функции войны как главного двигателя поиска знания. Однако принятие гигантской программы космических исследований, всесторонней программы развития социального обеспечения или программы евгенического контроля обеспечит мотивации для ограниченного технологического развития.

## ОБЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

Из предшествующего описания вполне очевидно, что ни одна из программ или комбинаций программ, предложенных для перехода к миру, даже отдаленно не подходит для выполнения всех функциональных требований к миру без войны. Хотя одна из рассмотренных систем выполнения экономической функции войны кажется обещающей, нет поводов для оптимизма в не менее существенных политической и социальной областях. Другие главные невоенные функции войны – экологическая, культурная, научная – поднимают множество различных проблем, но возможно, что детализированная разработка заменителей в этих областях не является необходимым условием перехода к миру. Что более важно, недостаточно развить адекватные, но изолированные заменители для выполнения главных функций войны; они должны быть полностью совместимы и ни в коем случае не должны самоликвидироваться.

Пока такая объединенная программа не создана, хотя бы гипотетически, не существует возможности, для нашей или любой иной группы, дать полные ответы на вопросы, первоначально поставленные перед нами. На вопрос «как лучше всего подготовиться к наступлению мира?» мы вынуждены ответить, настолько настоятельно, насколько это возможно, что военной системе нельзя позволить исчезнуть до того как: 1) мы узнаем точно, чем она является и чем мы планируем заменить ее; и 2) мы будем знать, без сомнений, что эти институты-заменители будут выполнять функции военной системы по выживанию и поддержанию стабильности общества. Лишь после этого мы можем непосредственно разрабатывать методы перехода к миру; процедурное программирование должно следовать за базисными решениями, но не предшествовать им.

Такие решения, если они вообще существуют, не могут быть найдены без революционного пересмотра способов мышления, которые считают соответствующими исследованию проблем мира. Тот факт, что мы исследовали фундаментальные вопросы, порождаемые задачей, с беспристрастной, свободной от ценностных оценок точки зрения, не подразумевает, что мы не испытываем интеллектуальных и эмоциональных затруднений. Подобного рода трудности должны быть преодолены на всех уровнях принятия решений, прежде чем эти вопросы вообще будут признаны тем, чем они являются. Зачастую в размышлениях на интеллектуальном уровне отражается эмоциональное сопротивление новым (более смертоносным и таким образом «более отвратительным») формам вооружения. Нижеследующий комментарий Хьюберта Хэмфри (бывшего во то время сенатором) в публикации «О термоядерной войне» по-прежнему отражает суть проблемы: «Новые мысли, особенно те, которые, как кажется, противоречат текущим предположениям, являются всегда слишком болезненными, чтобы их рассматривать».

Мы не занимались проблемой значительных по объему согласований противоречивых интересов путем внутренних и международных соглашений, неизбежно возникающей при разработке процесса перехода к подлинному миру. Рассмотрение этого фактора не входило в круг наших задач, но мы проявим недопустимую небрежность, если не обратим на него внимания. Хотя не существует никаких

непреодолимых препятствий к достижению таких общих соглашений, установлено и широко признано, что в поддержании военной системы переплетены множество краткосрочных интересов, как частно-групповых, так и обще-классовых. Сопротивление миру, производимое этими интересами, лишь слегка соотносится, в конечном счете, с основными функциями войны; но это сопротивление вряд ли будет легко преодолено, в нашей стране или в любом другом месте. Некоторые исследователи фактически полагают, что это сопротивление вообще не может быть преодолено в наше время, т.е. что цена мира окажется попросту слишком высокой. Это мнение нашло отражение в наших заключениях, в высказывании, что сам переходный процесс создания заменяющих институтов может оказаться критическим фактором для политической выполнимости перехода.

Таким образом, сейчас нельзя уверенно утверждать, что состояние мира когда-либо будет возможным. С объективных позиций долговременного выживания общества, отличных от эмоционального пацифизма, существует сомнение в том, что состояние мира является желательным, даже если бы оно было очевидно достижимым. Военная система, при всем вызываемом ею в широком «общественном мнении» субъективном отвращении, демонстрирует свою эффективность с начала зарегистрированной истории; она обеспечила основание для развития многих состоявшихся (длительно существовавших) цивилизаций, включая сюда и доминирующие сегодня. Она в целом создала значимые социальные приоритеты. Жизнеспособная система всеобщего мира, в предположении, что масштабные и сложные вопросы создания заменяющих институтов, поднятые в этом Отчете, являются разрешимыми и будут решены, неизбежно предполагает наличие рисков, как ожидаемых, так и неизвестных, пусть даже небольших и предположительно нейтрализуемых.

Лица, принимающие решения на правительственном уровне, имеют тенденцию предпочитать мир войне всякий раз, когда существует реальный выбор, поскольку такое решение обычно представляется «более безопасным». В большинстве непосредственных обстоятельств, в краткосрочной перспективе, они, вероятно, будут правы. Но с позиций долгосрочной социальной стабильности верным будет противоположное решение. При существующем состоянии знания и способов рациональных рассуждений, военная система идентифицируется со стабильностью, в то время как система мира идентифицируется со спекулятивными общественными пожеланиями, однако могущими быть оправданными с позиций субъективной морали или эмоциональных ценностей. Ядерный физик однажды заметил по поводу возможного соглашения о разоружении: «Если бы мы могли изменить наш мир таким образом, чтобы никакое оружие в принципе не могло быть изготовлено, мир был бы стабильным. Но соглашения, которых мы можем ожидать с Советами, стабильными не будут». Взаимоотношения и предубеждения одинаково мешают видению проблемы; но любое состояние полного подлинного мира, однажды достигнутое, следует считать нестабильным, пока не будет доказано противоположное.

Даже при необходимости именно в данный момент безвозвратно выбрать сокращение или роспуск военной системы общее благоразумие диктует сохра-

нение прежнего курса. Но такой необходимости сейчас нет. В конечном счете в уравнивании войны и мира нужно учесть значительно больше факторов, чем поиск заменителей для выполнения функций войны. Одна группа таких факторов лишь упоминается в этом Отчете; она относится к возможному устареванию самой военной системы. Мы отметили, например, ограниченность военной системы в выполнении ее экологической функции и снижение важности этого аспекта войны. Но мы не представляем такое устаревание, снижающее эффективность войны в роли, например, экономического регулятора или организатора сплоченности общества. Подобная возможность, хоть и отдаленная, лишь служит напоминанием о том, что все вычисления для непредвиденных обстоятельств предполагают не только взвешивание одной группы рисков относительно другой, но требуют значительного допуска на возможные ошибки для обеих групп.

Более целесообразная причина для исследования альтернативных методов и средств выполнения текущих функций войны диктуется узко-политическими соображениями. Возможно, что одна или несколько из наиболее развитых и сильных наций может оказаться, посредством достижения неоспоримого лидерства, в положении, при котором правящий административный класс может потерять контроль над общественным мнением или утратить способность к объяснению желательности войны. Не трудно вообразить в подобных обстоятельствах ситуацию, в которой такие правительства могут почувствовать себя вынужденными начать серьезный процесс переговоров о полном разоружении (возможно, вызванный «случайными» ядерными взрывами), и что такие переговоры могут привести к фактическому роспуску военных институтов. Как ясно показано в нашем Отчете, результат такого развития событий может оказаться катастрофическим. Представляется очевидным, что в случае если значительная часть мира внезапно, без достаточной подготовки, окажется в состоянии плохо подготовленного мира, даже частичная и неадекватная подготовка к этому все же будет лучше, чем полное отсутствие подготовки. Это различие может даже оказаться критическим. Рассмотренные в предыдущей главе модели, как те, что кажутся обещающими, так и не казущиеся таковыми, имеют одну общую положительную особенность – гибкость описания. И, несмотря на нашу резкую критику относительно представимого перехода к миру без существенной полной подготовки, наше правительство должно быть готово двигаться в этом направлении с любыми имеющимися под рукой ограниченными возможностями планирования – в случае, если обстоятельства потребуют этого. Произвольный бескомпромиссный подход к программированию перехода к миру, вызванного непредвиденными обстоятельствами, не более реалистичен, чем любой другой.

Но основная причина для беспокойства о сохранении эффективности военной системы, и важная причина для того, чтобы заниматься планированием мира, состоит в отсталости текущего состояния военной системы. Ее способность к регулированию не успевает за темпом технологического прогресса, который она и сделала возможным. Несмотря на бесспорное сохранение этой способности до настоящего времени, даже в эру беспрецедентного потенциала массового разру-

шения, она продолжает работать в значительной степени на случайно сформированных основаниях. Даже в лучших из рассмотренных нами исследований отсутствуют серьезные количественные оценки (более того, работы в этом направлении даже не велись), чтобы определить, например:

- оптимальный, с позиций управления экономикой, уровень производства вооружений, для любого заданного соотношения между гражданским производством и потреблением;
- факторы корреляции между политикой призыва в армию и измеримой социальной напряженностью;
- минимальный уровень потерь населения, необходимый для поддержания правдоподобности военной угрозы в изменяющихся политических условиях;
- оптимальная циклическая частота «горячих» войн в изменяющихся обстоятельствах исторических отношений.

Эти и другие факторы функций войны могут быть проанализированы с использованием сегодняшних компьютерных систем, но такой анализ не проводился; современные аналитические методы до сих пор применяются лишь к таким аспектам очевидных функций войны как снабжение, численность персонала, анализ оружия и т.п. Мы не принижаем значимость этих исследований, мы лишь сожалеем о не-использовании их с большей пользой, в разрешении более широкого круга насущных проблем. Наше беспокойство об эффективности в этом контексте не является эстетическим, экономическим или гуманистическим. Оно вызывает аксиомой, гласящей, что никакая система не может долго существовать при постоянном или чрезмерно большом отклонении от оптимального состояния. Поскольку необходимая информация становится все более и более сложной, то и сама военная система, и выполнение ее функций все более и более подвергаются опасности таких отклонений.

Поэтому мы делаем наш заключительный вывод – нашему правительству будет необходимо заниматься работой в двух общих направлениях. Первое, меньшее – создание возможности жизнеспособного всеобщего мира; второе – успешное поддержание военной системы. По нашему представлению, осторожная подготовка к возможному миру должна быть расширена, не потому, что мы придерживаемся позиции желательности конца войны, если он вообще возможен, но потому, что это состояние может в некоторой форме наступить, независимо от того, готовы ли мы к нему или нет. С другой стороны, рационализация планирования и определения количественных параметров военной системы, с тем чтобы гарантировать эффективность ее главных стабилизирующих функций, является не только более многообещающим по ожидаемым результатам, но и более важным; мы больше не можем считать выполнение этих функций само собой разумеющимся – просто потому, что так всегда было. Цель правительственной политики в отношении войны и мира в период неуверенности должна состоять в том, чтобы уделить максимум внимания обоим вариантам. Наши следующие рекомендации ориентированы именно в этом направлении.



## ГЛАВА 8. РЕКОМЕНДАЦИИ

(1) Мы предлагаем учреждение, посредством распоряжения Президента, постоянно действующего Агентства по исследованию проблем ВОЙНЫ/МИРА, обладающему всеми полномочиями для выполнения программ, описанных в пп. (2) и (3). Это агентство (а) должно быть обеспечено неподотчетными фондами, достаточными для исполнения его обязанностей и принятия решений по его собственному усмотрению, и (б) должно иметь полномочия резервировать и использовать без ограничений любое или все средства исполнительной власти правительства для достижения своих целей. Оно будет организовано по линии Совета Национальной безопасности, за исключением того, что никто из его руководящего, исполнительного или оперативного персонала не будет занимать иных общественных постов или правительственных должностей. В его сферу деятельности будет входить самый широкий спектр естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, искусство, операционных технологий и иных, необозначенных здесь, профессиональных областей. Оно будет ответственно исключительно перед Президентом или его временным заместителем. Его действия будут организованы исключительно в соответствии с его внутренними правилами и процедурами. В его полномочия должно явно входить неограниченное право отказа в информировании о своих действиях и решениях кого угодно, за исключением Президента, в любом случае, когда оно посчитает сохранение тайны соответствующим интересам общества.

(2) Первая из двух главных обязанностей Агентства по исследованию проблем ВОЙНЫ/МИРА будет состоять в том, чтобы выявить все, что может быть известно, в том числе все, что может быть рационально выведено из корректных статистических исследований, о возможных основаниях для перехода к состоянию всеобщего мира. Результаты, изложенные в настоящем Отчете, могут быть использованы в качестве исходных положений и направлений такого изучения. Детальные отчеты об исследованиях и результатах работы Специальной исследовательской группы, результатом которой и является данный Отчет, будут представлены Агентству, так же, как и любые разъяснения, которые Агентство посчитает необходимыми. Этот аспект работы агентства в дальнейшем будет называться «Исследованием мира».

Исследование мира в рамках деятельности Агентства будет обязательно включать, но не будет ограничено, следующее:

(а) Творческую разработку возможных заменителей для выполнения основных невоенных функций войны.

(б) Тщательную проверку соответствия таких институтов критериям, описанным в выводах данного Отчета, уточненным, вновь изученным и расширенным Агентством.

(с) Испытание и оценку перехода к институтам-заменителям с позиций приемлемости, выполнимости и доверия общества в гипотетических переходных и послевоенных состояниях; испытание и оценку влияния ожидаемого отмирания некоторых необязательных функций.



(д) Разработку и исследование взаимовлияния множества институтов-заменителей, с конечной целью создания всесторонней программы внедрения, если и когда они будут найдены, совместимых заменителей войны для запланированного перехода к миру, для представления соответствующим политическим властям.

(е) Подготовку всестороннего списка частичных несвязанных самостоятельных программ регулирования, с целью сокращения опасностей, вызываемых незапланированным переходом к миру в результате действия форс-мажорных обстоятельств.

Методы Исследования мира должны включать, но не должны ограничиваться, следующие:

(а) Всестороннее междисциплинарное использование исторической, научной, технологической и культурной информации.

(б) Полное использование современных методов математического моделирования и анализа, и других, более сложных, вновь создаваемых количественных методов, совместимых с компьютерным моделированием.

(с) Эвристические процедуры «мирных игр», созданные в процессе работы Специальной исследовательской группы, с дальнейшим расширением этого подхода к исследованию выявленных функций.

(3) Другой основной задачей Агентства по исследованию проблем ВОЙНЫ/МИРА будет «Исследование войны». Его фундаментальная цель будет состоять в том, чтобы гарантировать сохранение жизнеспособности военной системы с тем, чтобы она выполняла свои основные невоенные функции до тех пор, пока военная система будет считаться необходимой и/или желательной для выживания общества. Для достижения этого результата, группы по исследованию войны в рамках Агентства будут заниматься следующей деятельностью:

(а) Определение количественных характеристик невоенных функций войны. Предметом этих исследований будут, но не исключительно:

1) Общий объем и сравнительные соотношения непроизводительных расходов начиная со Второй Мировой войны, направленных на военные нужды, с позиций их роли экономического стабилизатора;

2) Количество и пропорции военных расходов, а также уничтожения людей, собственности и природных ресурсов в течение этого периода, потребовавшихся военной системе как инструменту политического управления;

3) Подобные числовые данные о цене исполнения военной системой задачи поддержания социальной связности;

4) Уровни военного призыва и расходов на него и другие формы укомплектования военного персонала, связанные с исполнением военной системой функции регулирования социальной напряженности;

5) Статистические соотношения между численностью жертв войн и мировым производством продовольствия;

6) Корреляция военных действий и расходов с культурными и научными достижениями (обязательно с включением в эту задачу создания измеримых стандартов в этих областях).

(b) Разработка априорных современных критериев выполнения невоенных функций войны. Они будут включать, но будут не ограничены:

1) Расчет минимального и оптимального диапазонов военных расходов для различных вариантов гипотетического изменения условий, необходимых для выполнения этих функций, по отдельности и всех вместе.

2) Определение минимального и оптимального уровней уничтожения ЛЮДЕЙ, СОБСТВЕННОСТИ и ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ с позиций сохранения правдоподобия внешней угрозы для исполнения политических и мотивационных функций.

3) Разработку формул взаимодействия, управляющих соотношением между военным призывом и образовательной политикой, с учетом возможной острой необходимости социального регулирования.

(c) Согласование этих критериев с экономическими, политическими, социальными и экологическими ограничениями. Окончательная цель этой стадии Исследования войны состоит в том, чтобы рационализировать ранее не формализованные действия военной системы. Результатом должно стать создание практических рабочих процедур, посредством которых ответственная правительственная власть может решать при любых данных обстоятельствах следующие, в числе прочих, проблемы выполнения функций военной системы:

1) как определять оптимальный объем, характер и время совершения военных расходов, чтобы гарантировать желательную степень экономического регулирования;

2) как организовывать призыв, развертывание и очевидное использование военного персонала, чтобы гарантировать желательную степень принятия желаемых социальных ценностей;

3) как вычислять, в краткосрочной перспективе, характер и уровень ПОТЕРЬ ЛЮДЕЙ и других ресурсов, КОТОРЫЕ НУЖНО ПОНЕСТИ И/ИЛИ ПРИЧИНИТЬ в течение любого отдельного военного конфликта, чтобы достигнуть желаемого уровня принятия внутренней политической власти и социальной преданности;

4) как проектировать, на длительную перспективу, характер и качество откровенных войн, которые должны быть профинансированы и проведены, чтобы достигнуть желательной степени стабильности для тех же самых целей; исследуемые факторы должны включать частоту возникновения, длительность, ОБЪЕМ ФИЗИЧЕСКИХ РАЗРУШЕНИЙ, обширность географической зоны и ОПТИМУМ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ;

5) как экстраполировать, с достаточной точностью, на основании данных предшествующего времени, для экологических целей, продолжающееся воздействие военной системы на циклическое изменение численности населения, и разработать соответствующее планирование норм «несчастных случаев».

Процедуры Исследований войны должны обязательно включать, но не ограничиваться, следующее:

(a) Сопоставление экономической, военной и другой уместной информации в сопоставимых терминах, позволяющих взаимный перевод прежде не связываемых категорий информации.

(b) Развитие и применение соответствующих форм анализа затрат/эффективности, адаптированных к современным компьютерным технологиям.

(c) Расширение методов симуляции систем, известных как «военные игры», на новую область борьбы с квази-противником, на осуществление невоенных функций войны.

(4) Поскольку обе программы Агентства по исследованию проблем ВОЙНЫ/МИРА преследуют одну и ту же цель – предоставление правительству свободы выбора между войной и миром до тех пор, пока выживание общества больше не будет вызывать сомнений, то необходимо, чтобы Агентство создавалось без ограничения срока его деятельности. Результатом его работы будет самоликвидация, по мере развития предлагаемых им институтов, когда его собственная деятельность потребует замены в контексте исторического развития, которое оно, по крайней мере частично, инициирует.

Библиотека Конгресса, карточка каталога № 67-27553, издано в США.